

М. ПОСНОВЪ.

Самарійскіе маги христіанскіе ересearхи.

(По поводу статьи проф. В. П. Рыбинскаго «Самарянство и гностицизмъ» въ «Странникѣ», 1914 г., мартъ).

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія «Колоколъ», Невскій пр., 127.
1915.

Самарійскіе маги христіанскіе ересеархи.

По поводу статьи проф. В. П. Рыбинскаго «Самаринство и гностицизмъ» въ „Странникъ“ 1914 г., мартъ).

Древніе христіанскіе ересеологи, начиная со св. мученика Іустина, т. е. съ первой половины II в., указываютъ на самарійскихъ волхвовъ—Симона, Менандра и Досифея (на послѣд-няго не всѣ и не вполне ясно), какъ на первыхъ виновниковъ христіанскихъ ересей и въ особенности гностицизма.

У св. Іустина въ его 1-й апологіи, въ 26 главѣ ¹⁾ читаемъ: «По воскресеніи Христа на небо, демоны выслали нѣкоторыхъ людей, которые называли сами себя богами... (именно) Симона самарянина, изъ деревни, по названію Гиттонъ... И почти всѣ самаряне, а нѣкоторые и среди другихъ народовъ, признавая его первымъ богомъ, поклоняются ему; и какую то Елену, спутницу его, предъ тѣмъ находившуюся въ блудномъ домѣ, называютъ первою мыслию, происшедшею отъ него. Знаемъ и нѣкоего Менандра, также самарянина, изъ деревни Каппаретей, бывшаго ученикомъ Симона, дѣйствовавшаго также подъ вліяніемъ демоновъ и, въ бытность въ Антиохіи, оболѣстившаго многихъ, благодаря волшебному искусству; онъ увѣрялъ принявшихъ его ученіе, что они не умрутъ; и теперь нѣкоторые изъ его послѣдователей убѣждены въ этомъ. (Знаемъ и) нѣкоего Маркіона изъ Понта... Всѣ происшедшіе отъ нихъ... называются христіанами.. ²⁾ Есть у насъ и синтагма противъ всѣхъ бывшихъ ересей, каковую, если вамъ угодно читать, я доставлю».

¹⁾ Carolus Eg. de Otto. Corpus apologetarum christianorum. Ienae. 1876. V. 1, p. 76...

²⁾ Т. е. у язычниковъ, которые, по Іустину, называя христіанами этихъ послѣдователей маговъ, однако не гонятъ ихъ, какъ это они дѣлаютъ по отношенію къ истиннымъ христіанамъ

Приведенное свидѣтельство св. Іустина имѣетъ тѣмъ шее значеніе, что онъ: а) мужъ древній, родившійся, быть етъ, въ концѣ I в. или въ началѣ II, б) происходилъ такъ какъ и упомянутые имъ маги — изъ Самаріи ¹⁾, в) лично ѣчался съ учениками по крайней мѣрѣ Менандра и г) олся съ ересями, слѣд., изучалъ еретическое движеніе, при опріятныхъ условіяхъ въ отношеніи ко времени его воз новенія и къ мѣсту происхожденія. Апологія св. Іустина вилась въ половинѣ II в. ²⁾, хотя есть мнѣнія и въ пользу ѣе ранняго ея происхожденія—въ 138—139 гг. ³⁾. А син- а Іустина противъ всѣхъ ересей (несохранившаяся до насъ), его собственнымъ словамъ, написана ранѣе апологіи.

Слѣдующее по времени свидѣтельство о самарійскихъ ахъ мы имѣемъ въ сочиненіи св. Иринея Ліонскаго «Про- ѣ ересей», появившемся въ 80-хъ или 90-хъ годахъ II в. ⁴⁾. I кн. 23 гл. 2 онъ пишетъ ⁵⁾: «Симонъ самарянинъ, отъ ораго произошли всѣ ереси, образовалъ свою секту съ такимъ ніемъ»... и т. д. Говоря ниже, въ I кн. 23 гл. 4. 5. о послѣ- ателяхъ Симона, Св. Иринеи замѣчаетъ ⁶⁾: «имѣютъ они и отъ главы нечестиваго ученія Симона, называясь симо- ами; отъ нихъ получило свое начало лжеименное знаніе, ѣ это можно видѣть изъ ихъ положеній. Преемникомъ былъ Менандръ, родомъ самаританинъ». Еще одно извле- іе изъ творенія того же отца: «Всѣ, которые какимъ либо азомъ (I кн. гл. XXVII, 4) искажаютъ истину и повре- аютъ проповѣдь церкви, суть ученики и послѣдователи

¹⁾ Dialogus cum Tryphone, c. 120: οὐδὲ γὰρ ἀπὸ τοῦ γένους τοῦ ἐμοῦ, λέγω δὲ Σαμαρέων, τινοὶ φροντίζα ποιούμενος ἐγγράφως καὶ σιγῇ προσομιλῶν, ὡς πλάνησθαι αὐτοὺς παιδομένους τῷ ἐν τῷ γένει αὐτῶν μάγῳ Σίμωνι». Otto. V. II. p. 432.

²⁾ Ср. O. Bardenhewer. Geschichte der altchristl. Litteratur. B. I. Freiburg. J. 206. A. Harnack. Die Chronologie. B. I. Leipzig. 1897. s. 177.

³⁾ Usener. Religionsgeschichtliche Untersuchungen. I. Bonn. 1889. ss. 106. I. Krüger. Die Apologien Iulians des Märtyrers 1896, s. XIV.

⁴⁾ Harnack. Die Chronologie. B. I. s. 320. Bardenhewer. Geschicht. s. 502.

⁵⁾ Sancti Irenaei Episcopi Lugdunensis-Libros quinque adversus haereses. W. Wigon Harvey. T. I. Cantabrigiae. 1857. L. I. Cap. XVI. 2: „Simonem Samaritanus, ex quo universae haereses substituerunt, habet hujus modi sectae ariam“. (p. 191).

⁶⁾ Harvey p. 194—195. L. I. c. XVI, 3: «habent quoque et vocabulum accipere impiissimae sententiae Simone, vocati Simoniani, a quibus falsi nominis sententia accepit initia, sicut ex ipsis assertionibus eorum adest discere».

Симона волхва; хотя они и не объявляют имени своего учителя для обольщенія другихъ, но преподають его ученіе» ¹⁾. См. также предисл. къ II кн. и гл. II, IX, 2). Менандръ, какъ уже и сказано, объявляется ученикомъ и непосредственнымъ преемникомъ Симона мага ²⁾.

Св. Иринеѣ жилъ и, конечно, писалъ свое антигностическое произведеніе позже Св. Іустина; тѣмъ не менѣе его свидѣтельство о самарянскихъ магахъ, какъ христіанскихъ ересеархахъ, должно быть признано по важности *почти равнымъ* іустиновскому. Дѣло въ томъ, что авторитетные изслѣдователи ³⁾ древнихъ христіанскихъ ересеологовъ установили, что отдѣлъ въ сочиненіи Иринея I, 22, 2—27, 4, откуда взяты наши главные цитаты, имѣетъ въ своей основѣ утраченную для насъ синтагму Іустина противъ всѣхъ ересей.

Ученикъ св. Иринея Св. *Ипполитъ*, написавшій свое большое сочиненіе «*Rafutatio omnium haeresium*», или по менѣе точному названію—*Philosophumena* въ 20-хъ ⁴⁾, самое позднее—въ началѣ 30-хъ ⁵⁾ годовъ III в.,—также называетъ Симона мага ересеархомъ: «Итакъ удобно изложить теперь, начинается Ипполитъ седьмую главу VI-й книги, ⁶⁾ ученіе Симона Гиттонскаго, изъ Самаріи, бывшаго, какъ мы покажемъ, источникомъ для ученія другихъ сектантовъ, подъ разными именами выступавшихъ».

Ересеологи IV в. Епифаній и Филастріѣ также считаютъ самарійскихъ маговъ первыми виновниками христіанскихъ

¹⁾ Harvey. p. 219. L. I, c. XXV, 2... «omnes, qui quomodo adulterant veritatem et praeconium Ecclesiae laedunt Simonis samaritani magi discipuli et successores sunt».

²⁾ Adversus hoereses. I, XXIII, 5.

³⁾ Липсіѣ. Leitschrift für wissensch. Theologie. 1863, Heft. IV, s. 421, Zur Quellenkritik des Epiphanius. Wien. 1865, ss. 56—57 и дау. Die Quellen der ältesten Ketzergeschichte. Leipzig. 1875. s. 36—37... G. Heinrici. Die Valentinianische Gnosis. Berlin. 1871. s. 40, onm. 1. Harnack (Zur Quellenkritik der Geschichte des Gnosticismus. Leipzig. 1873, s. 41 и дал.) въ общемъ соглашается съ Липсіемъ, только онъ считаетъ синтагму Іустина не единственнымъ источникомъ для Иринея I, 22—27, а указываетъ и другой источникъ въ «*Ὁπομνήματα* Егезиппа (s. 45), тоже источникъ почтительной древности. Егезиппъ умеръ прибл. въ 180 г.

⁴⁾ Harnack. Die Chronologie. B. II. s. 230.

⁵⁾ Bardenhewer. Geschichte. II. s. 511.

⁶⁾ «Δοκεῖ οὖν καὶ τὰ Σίμονος τοῦ Γιττηνοῦ, κώμης τῆς Σαμαρείας, νῦν ἐκθρόσθαι, παρ' οὗ καὶ τοὺς ἀκολούθους δεῖξομεν ἀφορμὰς λαβόντας ἑτέροις ὀνομασιν ὁμοία τετοληχέναι». Duncker. p. 234.

сей. У обоихъ ересеологовъ христіанскимъ ересямъ пред-
ылаются до-христіанскія. Епифаній, начиная перечисленіе
сей съ варварства и скиѣства, на девятомъ мѣстѣ ставитъ
сарянъ, замѣчая о нихъ ¹⁾: «самаряне прежде другихъ укло-
лись отъ божественнаго писанія въ ереси». Среди отдѣль-
хъ самарійскихъ сектъ Епифаній на 13-мъ мѣстѣ упоми-
тъ о послѣдователяхъ Досиея ²⁾. Относительно христіан-
хъ ересей Епифаній пишетъ: «Первою ересью изъ бывшихъ
времени Христа доселѣ — является ересь Симона волхва...
сею ересью по порядку состоитъ въ связи нѣкто Менандръ,
горій, происходя изъ самарянъ, нѣкоторое время былъ
еникомъ у этого Симона... Послѣ этого возсталъ нѣкто
торниль, заимствовавшій начало оттуда же, разумѣю, отъ
енандра и прежнихъ» ³⁾—Въ списокъ ересей Филастрія пер-
е мѣсто занимаютъ: 1) офиты, потомъ офитскія секты—2)
иниты и 3) овіане. На четвертомъ мѣстѣ стоитъ Досиеей ⁴⁾,
горій считается по происхожденію іудеемъ (?). Въ седь-
хъ упоминаются самаритяне, «не ожидавшіе грядущаго
а, отрицавшіе воскресеніе, не вѣровавшіе въ Христа, какъ
а, Сына Божія, возвыщеннаго ранѣе въ законѣ и у про-
ковъ» ⁵⁾. Эти ереси представляются у Филастрія, какъ до-
истіанскія. Относительно же начала христіанскихъ ересей
у него читаемъ ⁶⁾: «Послѣ страданія Христа Господа на-
го и вознесенія Его на небо; нѣкто Симонъ магъ, родомъ
аританинъ, Гиттонскій, изъ деревни въ Самаріи, смѣло
илъ такъ... Послѣ него Сатурниль... послѣ нихъ Василидъ».

Историческое значеніе свидѣтельствъ Епифанія и Фила-
рія возрастаетъ въ виду того, что въ основѣ ихъ, по изслѣдо-
ніямъ ученыхъ ⁷⁾, лежитъ синтагма Ипполита противъ 32-хъ
сей (σύνταγμα κατὰ αἵρέσεων ΑΒ'), не сохранившаяся до насъ

¹⁾ Haeres. IX: «Σαμαρεῖται μὲν οὖν ἄχρι τῶν αἵρέσεων... Itaque Samaritanorum haereseon principes» Fr. Ochler. Corpus haerseologici. T. II. p. 67. Творенія св. Епифанія, т. 42, ч. I, стр. 57.

²⁾ Fr. Ochler. T. II. p. 78, 79. Haer. XIII. Творенія св. Епифанія въ рус. т. 42, ч. I, стр. 67.

³⁾ Ochler. p. 122—123, 144—145: Haer. XXI—XXIII, рус. пер. 107—128.

⁴⁾ I. Filastrii Diversarum haereseon Liber. her. IV Corpus scriptorum ecclesiarum latinorum. v. XXXVIII. p. 3.

⁵⁾ Corpus scriptorum. v. XXXVIII, p. 4.

⁶⁾ Her. XXIX—XXXII; или отъ времени христіанства I—IV. Corpus scriptum v. XXXVIII, p. 14—10.

⁷⁾ Lipsius. Zur Quellenkritik des Epiphanius. s. 33—70. Harnack Zeit-
schrift für die historische Theologie, 1874, Heft. II, s. 161—219,

но существовавшая еще въ IX в. ¹⁾). Ипполитъ былъ ученикомъ Ириней и составилъ свою синтагму при помощи его, «ὅρι Λοβυτοῦ Εἰρηναίου», какъ выражается Фотій ²⁾). Последній говоритъ, что названная синтагма Ипполита начиналась Досиѳеемъ ³⁾). Составлена она была въ концѣ II в. или въ самомъ началѣ III ⁴⁾, такъ что, при написаніи своего сочиненія Refutatio ⁵⁾, Ипполитъ могъ выразиться о ней, какъ выпущенной уже «давно» (πάλαι). По удостовѣренію изслѣдователей, ближе всѣхъ стоитъ къ утраченной синтагмѣ Ипполита Libellus Pseudo—Tertulliani—книжечка, явившаяся въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ нея ⁶⁾. Книга псевдо-Тертулліана также начинается самаряниномъ Досиѳеемъ и говоритъ о Симонѣ магѣ, какъ πρῶτος τῶν ὀππῖων, называя ученикомъ его Менандра ⁷⁾.

Ересеологъ V в. блаж. Θεодоритъ, основывавшійся при составленіи своего сочиненія «Αἱρετικῆς κακορροίας ἐπιτομή», по его собственному свидѣтельству ⁸⁾, на древнѣйшихъ ересеологическихъ сочиненіяхъ, особенно на твореніи Св. Ириней ⁹⁾, также начинаетъ ¹⁰⁾ свой трудъ съ Симона мага, Менандра и др. въ обычномъ порядкѣ.—Можно еще изъ ересеологическихъ сочиненій сослаться на книгу объ ересьхъ Августина ¹¹⁾ и книгу Предестинатъ ¹²⁾, ставящихъ Симона и Менандра также во главѣ христіанскаго еретическаго движенія. Закончимъ историческій

¹⁾ См. свидѣтельство патр. Фотія. Patrologiae cursus completus. Migne t. CIII. cod. CXXI, ec. 401—404.

²⁾ Migne. t. CIII c. c. c. 403—404. Среди изслѣдователей споръ идетъ лишь о томъ, нужно ли это выраженіе ограничивать устными и бесѣдами съ Иринеємъ, или подразумѣвать подъ нимъ знакомство Ипполита и съ первыми книгами большаго сочиненія Ириней. Ср. Lipsius. Zur Quellenkritik. s. 50. Harnack Zeitschrift. 1874. s. 152.

³⁾ Ibidem. ...ἀρχὴν ποιούμενον Δοσιθεαυόος.

⁴⁾ Lipsius. Zur Quellenkritik. s. 40.. Harnack. Zeitschrift f. hist. Theologie. 1874, H. II. s. 170—219. Ср. Lipsius. Die Quellen. s. 137.

⁵⁾ Refutatio Prooemium. Ed. Dunccker. p. 2.

⁶⁾ Lipsius. Zur Quellenkritik. s. 34. Ср. Harnack. Zeitschrift f. hist. Theologie 1874. Heft. II, s. 184—191.

⁷⁾ Pseudo-Tertuliani liber adversus omnes haereses. c. I; Ed. Ochler. T. I. p. 271.

⁸⁾ Patrologie cursus. Migne LXXXIII. c. 390. См. специальное изслѣдованіе вопроса у ордн. проф. г. Н. Глубоковскаго. Блаж. Θεодоритъ. М. 1890, т. II стр. 352.

⁹⁾ Проф. Н. Н. Глубоковскій, т. II, стр. 356.

¹⁰⁾ Αἱρετικῆς κακορροίας ἐπιτομή. I, c. I—IV. Migne LXXXIII, c. 341—348.

¹¹⁾ Ochler. Corpus haereseologici. T. I. p. 196.

¹²⁾ Ochler. T. I. p. 233.

ръ свидѣтельствомъ уже не ересеолога, а знаменитаго, вѣйшаго историка IV в., отца церковной исторіи Евсевія сарійскаго. Онъ говоритъ: Нами получено извѣстіе отъ нихъ, что «Симонъ былъ первымъ виновникомъ всякой и 1)... отъ Менандра, преемника Симона... происшедшая какъ бы двуустая и двуглавая змѣвидная сила произ- основателей двухъ различныхъ ересей—Саторнила, родомъ охійца, и Василида александрійца» 2).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что всѣ безъ исключенія древніе ересеологи и историкъ Евсевій кессар. вы- ляли Симона мага первымъ христіанскимъ ересеархомъ. осительно Менандра имѣемъ лишь одно исключеніе—умол- е о немъ въ Refutatio Ипполита. Но въ виду того, что въ аврируемой синтагмѣ того же Ипполита содержится ука- е на Менандра, то изъ того особаго е silentio нельзя дѣлать ода, что будто Ипполитъ не признавалъ Менандра наряду Симономъ магомъ христіанскимъ ересеархомъ. Что касается иея, то свѣдѣнія о немъ гораздо менѣе опредѣленны. О ъ, повидимому, была рѣчь лишь въ синтагмѣ Ипполита, да перешли свѣдѣнія къ Епифанію, Филястрію и псевдо- гуллиану. Но если обратимъ вниманіе на то, что синтагма олита составлена подъ вліяніемъ и при помощи Иринея, и свидѣтельство о Досиѳеѣ названной синтагмы получаетъ окую цѣнность. Историческій характеръ личности Досиѳея идѣтельствующанъ такимъ знаменитымъ мужемъ древности вой половины III в.), какъ Оригенъ 3).

Правда, не всѣ данныя ересеологовъ объ еретикахъ, и въ ности о гностикахъ, можно признать какъ несомнѣнно говѣрныя. Изъ сообщенія, напр., о времени жизни гно-

1) Eusebius. Ἐκκλ. ἱστορία. II, 13: «πάσης μὲν οὖν ἀρχηγὸν αἰρέσεως οὖν γενέσθαι τὸν Σίμωνα παρεωλήφαμεν». Die griechischen christlichen ftstellen. Eusebius. II. B. I Teil. p. 136.

2) —IT, 7, 3: «ἀπὸ γοῦν τοῦ Μενάνδρου, διάδοχον τοῦ Σίμωνος... αμ- ρμος, ὥσπερ καί, δικέφαλος ὀφιώδης τις προελθοῦσα δύναμις δοεῖν αἰρέσεων ὄρων ἀρχηγούς κατεστήσατο. Ibidem. p. 308—310.

3) Оригенъ упоминаетъ о Досиѳеѣ и его ученіи и его послѣдователяхъ—въ іеніи «κατὰ κέλσου» I, 57. (Die griech. chr. schriftsteller. Origenes. B. I. 8); рус. пер. проф. Л. И. Писарева—стр. 94; VI, (II p. 81—82)—въ толкованіи в. Іоанна IV, 25. (Die griech. chr. Schriftsteller. Origenes. B. IV. p. 251)—и чиненіи «Περὶ ἀρχῶν» IV, 17. (Migne. Patrologiae cursus. scr. gr. T. XI. 9).

стиковъ и зависимости ихъ другъ отъ друга иногда противорѣчатъ между собою и не могутъ быть приняты ¹⁾. Но тѣмъ болѣе, цѣнными должны считаться тѣ свидѣтельства ересеологовъ, въ которыхъ они всѣ—или въ большинствѣ—единодушны и которыя вполне отвѣчаютъ ходу историческаго развитія.

Вотъ почему изслѣдователи гностицизма ²⁾, насколько намъ извѣстно, обычно принимаютъ свидѣтельство древнихъ ересеологовъ о самарійскихъ магахъ,—особенно о Симонѣ и Менандрѣ—за несомнѣнное и говорятъ о нихъ, какъ о первыхъ виновникахъ христіанскаго гностицизма. Различіе въ сужденіяхъ касается только того, какими идеями инспирированы были самарійскіе маги: восточными, персидско-вавилонскими, или западными, александрійскими ³⁾.

Въ послѣдніе годы мы немало употребляли времени на изученіе христіанскаго гностицизма, и помѣстили въ журналѣ «Труды Кіевской дух. Академіи» нѣсколько статей по вводнымъ предметамъ. Въ одной изъ нихъ ⁴⁾ намъ пришлось говорить и о самарійскихъ магахъ—главнымъ образомъ о Симонѣ и отчасти Менандрѣ,—причемъ, въ примѣчаніи мы коснулись и самарянства, какъ почвы, на которой выросли названные маги, при чемъ сказали также нѣсколько словъ и о менѣе

¹⁾ Мы сравнительно подробно касались этого вопроса въ «Трудахъ Кіевск. дух. Академіи». 1913 г. IX, стр. 70—79.

²⁾ Tillemont.—Memoires pour servir a l'histoire ecclesiastique. T. II. Bruxelles. 1732. p. 16. S. L. Moshemias. Der rebus christianorum, 1753. p. 188. Matter. Histoire critique du gnosticisme. T. III. Paris. 1844. p. 258. Lipsius. Zur Quellenkritik des Epiphania. Wien. 1865. s. 74. Hilgenfeld. Die Ketzergeschichte des Urchristentums. Leipzig. 1884. s. 162. Harnack. Zur Quellenkritik der Geschichte des Gnosticismus. Leipzig. 1873. s. 8—23. Mansel. The Gnostic heresies. London. 1875, p. 29. King. The Gnostics and their Remains London. 1887. p. 58. Mead. Fragments of a faith. forgotten. 2 ed. London. 1906, p. 160. E. H. Schmitt. Die Gnosis. B. I. Leipzig. 1903. s. 288. M. E. Amelineau. Annales du Musée Guimet. T. XIV. Essai sur le Gnosticisme égyptien Paris. 1887. p. 2 z. W. Schultze. Dokumente der Gnosis. Iena. 1910. s. XXXVII Bousset. Paulys Real-encyclopädie. G. Wissowa. VII, 2, Stuttgart. 1912. s. 1503.

³⁾ Подавляющее большинство изслѣдователей стоитъ за восточное происхожденіе гностицизма. Но есть изслѣдователи, указывающіе и на эллинистическую александрійскую философію, какъ источникъ гностицизма. Напр. W. W. Harvey въ предисловіи къ переводу «S. Irenaei episcopi Lugdunensis libros quinque adversus Haereses. T. I. Cantabrigiae. 1857. p. XLII. Amelineau. Annales. p. 30, 31, 51. Reitzenstein, Dietrich и др.

⁴⁾ Труды К. Д. Академіи. 1912, XI, стр. 391—407.

вѣстномъ магѣ Досиѣѣ. На самарійскихъ маговъ мы про-
дили общепринятый, можно сказать, шаблонный у изслѣ-
вателей гностицизма взглядъ, т. е. какъ на христіанскихъ
есеарховъ; а о самаританствѣ или самарянахъ мы говорили,
о они, признавая лишь законъ Моисеевъ и отвергая проро-
въ, какъ стражей закона, были открыты вліянію со стороны
ическихъ, синкретическихъ и гностическихъ теченій въ
льшей степени, чѣмъ кто-либо другой; поэтому неудиви-
тельно, если самарянство послужило почвою, на которой вы-
шли извѣстные маги. Въ подтвержденіе этой мысли мы со-
ались на фрагменты самарянской письменности ¹⁾, находя-
еся въ IX-й кн. труда Евсевія кес. «Praeparatio evangelica»,
торые свидѣтельствуютъ о синкретическихъ воззрѣніяхъ
марянъ. Наиболѣе важный фрагментъ приписывается у
евсевія ²⁾, компилировавшего въ данномъ случаѣ писателя
половины I в. до Р. Х. Александра Полихистора, Евполему ³⁾.
этому мы и говоримъ въ своемъ, названномъ выше, при-
зачаніи о самарянствѣ, что изъ даннаго фрагмента, Евполема
ѣдуетъ, «что самаряне питали особую любовь къ вавилон-
имъ представленіямъ, къ изученію звѣздъ, къ халдейской
рологіи» и что въ этомъ фактѣ можно усматривать даже
ѣды гносиса ⁴⁾. Словомъ, мы находили основательнымъ и
оводили общепринятый взглядъ на самарійскихъ маговъ
къ христіанскихъ ересеарховъ. — Но вотъ весною 1913 г.
явилась въ печати книга проф. Рыбинскаго «Самаряне».
въ ней между прочимъ сказано: «Мы не можемъ признать въ
марянской религіи наличности синкретизма или какой либо
иродной тенденціи къ гностицизму... Симонъ волхвъ, если
же усвоить ему цѣльную гностическую систему... предста-

¹⁾ Принадлежность самарянской литературѣ этихъ отрывковъ устанавливаетъ
Фрейденталь въ специальномъ сочиненіи: Alexander Polyhistor und die von ihm
haltenen Reste jüdischer und samaritanischer Geschtswerke (Изъ «Hellenische
dien. Heft. 1—2). Breslau. 18.75. I. 85.

²⁾ Patrologiae cur us completus. Migne. T. XXI. s. q. c. 707—710; Freu-
thal. Alexander Polyhistor. p. 223.

³⁾ Фрейденталь (s. s. 85. 89. 123...) доказываетъ, что самарянский фраз-
ментъ (Praepar. Evang. IX, 17) не можетъ принадлежать Евполему іудейскому
или эллинистическому писателю половины II в.; здѣсь будто-бы допущена
ошибка Александромъ Полихисторомъ. Поэтому онъ называетъ автора фрагмента
Iudo Eupolemos. Но для хода нашихъ разсужденій это обстоятельство равно-
имѣетъ никакого значенія: фрагментъ признается самарянскимъ и древ-
мъ, уже существовавшимъ къ половинѣ I в. до Р. Х.

⁴⁾ Труды Кіев. дух. Академіи. 1912, XI, стр. 392, примѣч.

влялъ собою не чинъ самарянства, а только инцидентъ въ самарянствѣ. Ученикъ Симона гностикъ Менандръ былъ только самаряниномъ по происхожденію, но распространялъ свое ученіе внѣ самарянства. Въ ученіи же самарянина Досиеея совсѣмъ нельзя указать гностическихъ или синкретическихъ слѣдовъ» (стр. 468—469). Намъ на стр. 468 посвящено примѣчаніе 2-ое оно гласитъ:

«М. Посновъ, I с.: Евполемъ замѣчаетъ, что особую любовь самаряне питали къ вавилонскимъ представленіямъ, къ изученію звѣздъ, къ халдейской астрологіи; при этомъ-то (?) и идетъ рѣчь о гносисѣ, сообщенномъ черезъ ангела» (?) Никакого подобнаго замѣчанія у Евполема нѣтъ. Авторъ не точно передалъ въ приведенной фразѣ, повидимому, слова Hilgenfeld'a s. 155...» ¹⁾.

Въ 1913 г. мы помѣстили въ «Трудахъ» новую статью ²⁾ о гностицизмѣ, гдѣ въ подходящемъ случаѣ, въ примѣчаніи, постарались защитить отъ неожиданныхъ выпадовъ проф. Рыбинскаго общепринятый взглядъ на самарянство, какъ среду, благопріятствовавшую произрастанію и развитію синкретическихъ идей, и на самарійскихъ маговъ, какъ христіанскихъ ересей. Но вотъ по истеченіи полгода, въ мартовской книжкѣ ж. «Странникъ» за 1914 г., вслѣдъ за статьею свящ. Рыбакова, мы встрѣтили статью проф. Рыбинскаго «Самарянство и гностицизмъ», почти въ два печатныхъ листа подъ заголовкомъ: «По поводу критики проф. М. Э. Поснова». Лично для

¹⁾ Примѣчаніе составлено очень небрежно. Проф. Рыбинскій не позаботился даже о грамматическомъ смыслѣ его. Онъ пишетъ: „никакого подобнаго замѣчанія у Евполема нѣтъ. Авторъ неточно передалъ въ приведенной фразѣ... слова Hilgenfeld'a. Слѣд. пр. Рыбинскій уравниваетъ „никакого подобнаго“... съ „неточно передалъ“. Между тѣмъ слова «никакого подобнаго»—значать: вымыселъ сочинительства; а «не точно передалъ»—погрѣшность въ частностяхъ (въ общемъ вѣрно). Всякій русскій человекъ понимаетъ, что между в ы м ы с л о м ѣ («никакого подобнаго») и н е т о ч н о ю п е р е д а ч е ю ф а к т а, существуетъ цѣлая пропасть. Потомъ, къ чему два вопросительныхъ знака вставлены проф. Рыбинскимъ въ нашу тираду? Проф. Рыбинскій своимъ выраженіемъ «никакого подобнаго» поставилъ крестъ на моемъ сообщеніи, признавъ его по содержанію фактически ложнымъ. Если же ему угодно было простереть свою «всисчерпывающую», «безпощадную» критику и на мой „вымыселъ“, то она могла, слѣдов. касаться только уже стороны литературнаго, грамматическаго выраженія, и самое большее стороны логической. А съ этихъ сторонъ что же неправильнаго нашелъ проф. Рыбинскій въ моей тирадѣ?..—Познакомившись ближе съ книгою проф. Рыбинскаго мы убѣдились, что онъ имѣетъ какую то странную привычку вставлять знаки вопроса въ выписки изъ различныхъ авторовъ и это, повидимому, дѣлается не во имя какихъ либо серьезныхъ соображеній, а просто „маніемъ“ руки.

²⁾ Труды К. Д. Академіи, 1914 сентябрь, стр.

, эффектъ былъ неожиданный: *попутное примѣчаніе* вышло цѣлую отдѣльную большую статью!..

Если бы проф. Рыбинскій занимался въ своей статьѣ такою общепринятаго взгляда на самарянство и самарійскъ маговъ, то мы, конечно, оставили бы его статью безъ какого отвѣта. Почему бы не выслушать нѣсколько дѣльныхъ и вѣзательныхъ замѣчаній по вводному, предварительному для вопросу со стороны спеціалиста, около 20-ти лѣтъ певшаго свой трудъ ¹⁾ и несомнѣнно болѣе 20-ти лѣтъ равшаго надъ нимъ. Сравнительно недавно одинъ почтенный профессоръ написалъ большую сильную, по мѣстамъ уничтожительную—критику по своей спеціальности на книгу другого профессора нашего общаго коллегу ²⁾. Ученая критика была принята спокойно, и отвѣта на нее не послѣдовало.

Къ глубокому сожалѣнію, критика проф. Рыбинскаго, не включая въ себѣ ни одной новой мысли сравнительно съ его гою о самарянствѣ, наполнена его личными выпадами, е инсинуаціями противъ насъ.—Проф. Рыбинскій подождаетъ, что «г. Посновъ пишетъ спеціальное изслѣдованіе христіанскомъ гностицизмѣ» («Странникъ» 1914, III стр. 381), хотя онъ въ своей критикѣ касается лишь одной *предварительной* статьи, а дальнѣйшихъ то онъ еще и въ печати не бѣлъ, однако ему хочется испортить, спровоцировать весь заделъ автора, набросивши тѣнь на автора, какъ на лицо или способное къ историческимъ работамъ вообще. Проф. Рыбинскій въ этихъ видахъ не стѣсняется въ выраженіяхъ. Онъ хочетъ «показать, каковы тѣ основанія, которыя г. Посновъ етъ для своихъ слишкомъ рѣшительныхъ приговоровъ, и какого нства тѣ приемы, которые практикуетъ онъ въ изслѣдованіи нашихъ вопросовъ (стр. 381);—онъ выражается объ авторѣ: «кладетъ прокрустово ложе своей исторической критики» (384).. «плодъ разумѣнія и того своеобразнаго обращенія съ источниками, коое составляетъ характерную черту исторіографіи г. Поснова въ матриваемыхъ частяхъ его изслѣдованія» (388—383). Такими «точками» усѣяна вся критика проф. Рыбинскаго. Онъ не знаетъ обычая церемониться съ своими оппонентами...

Проф. Рыбинскій неоднократно говоритъ въ своей книгѣ,

¹⁾ Вл. Рыбинскій. «Самаряне», стр. IX.

²⁾ «Богослов. Вѣстникъ», 1911, 2, 4—5 (февр., апр. и май). Мы имѣемъ въ критическія замѣчанія проф. М. Д. Муретова на диссертацию проф. И. Мищенко.

что онъ «библіогъ» (стр. 1, IX) и, какъ увидимъ, не напрасно это дѣлаетъ. Однако, по отношенію къ намъ онъ позволяетъ себѣ такія реплики съ точки зрѣнія будто бы самаго настоящаго историка, прямо ex professo, какихъ не встрѣчается—или мнѣ не припоминается—въ критическихъ отзывахъ даже на студенческія работы со стороны нашихъ признанныхъ историковъ—какъ Голубинскій, Болотовъ, Ключевскій, Лебедевъ; и удивительнѣе всего то, что это дѣлаетъ человѣкъ, который ставитъ себя въ примѣръ «смиренства». «Я не принадлежу къ такимъ авторамъ, хвалить самъ себя проф. Рыбинскій, которые склонны преувеличивать цѣнность своихъ работъ» (381).

Но перейдемъ къ спорнымъ пунктамъ—къ вопросу о самарянствѣ, какъ религіозномъ ученіи, и къ самарійскимъ магамъ, какъ представителямъ его. Проф. Рыбинскій съ паѳосомъ заключаетъ свою критику противъ меня: „Повторяю, воззрѣнія Симона, Менандра, въ томъ видѣ, какъ представлены они у Иринея, Ипполита и др., не имѣютъ для себя почвы въ ученіи названной (т. е. самарійской, группировавшей около Гаризима) общины“ (стр. 404). Какъ же представляетъ себѣ ученіе самарянъ самъ проф. Рыбинскій?

Какъ это ни удивительно, но взглядъ самого проф. Рыбинскаго на самарянство не только не отличается ясностью, опредѣленностью; наоборотъ, крайне сбивчивъ и запутанъ. Для большаго удобства и наглядности мы изложимъ воззрѣнія проф. Рыбинскаго на самарянство въ таблицахъ.

«Самаританизмъ въ религіозномъ отношеніи *всегда* представлялъ собою *только* *иудейскую секту*». Стр. 340.

«Мы не можемъ признать въ самарянской религіи *наличности синкретизма* или какой-либо *природной тенденціи къ иностицизму*». Стр. 468.

«Самарянское вѣроученіе *никогда не представляло цѣльной законченной системы*... самаританизмъ на протяженіи всей своей исторіи является простымъ *конгломератомъ* отдѣльныхъ ученій, а не цѣльной законченной системой». Стр. 341.

«Самарійская область представляла, *дѣйствительно*, *благопріятную почву* для возникновенія *тѣхъ синкретическихъ ученій*, которыя во множествѣ появлялись въ первые вѣка нашей эры».

«Симонъ волхвъ, если даже воить ему цѣльную гностическую систему... представлять собою не типъ самарянина, а только инцидентъ самарянствѣ.

Ученикъ Симона гностикъ Менандръ былъ только самариномъ по происхожденію, распространялъ свое ученіе въ самарянства. Въ ученіи самарянина Досиея сомнѣнъ нельзя указать гностическихъ или синкретическихъ элементовъ». Стр. 469.

Прочитавши эти два столбца и сравнивши ихъ, можно думать, что они наполнены выписками изъ двухъ различныхъ авторовъ, держащихся по вопросу о самарянствѣ противоположныхъ мнѣній ¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ у перваго автора, т. е., въ первомъ столбцѣ самарянство *«всегда»* представляло собою нѣчто цѣлое—только *иудейскую секту*, въ немъ нѣтъ *«наличности синкретизма»*, ни *«природной тенденціи къ иностицизму»*. Симону, если одно, гностикъ, и несомнѣнно *«гностикъ»* Менандру нѣтъ места въ самарянствѣ.

Во 2-мъ столбцѣ проф. Рыбинскій рѣшительно полемизируетъ противъ себя самого. Здѣсь самарянство *«никогда не представляло цѣльной законченной системы»*, а было простымъ *«элементомъ»* отдѣльныхъ ученій, такое самарянство *«представляло, дѣйствительно, благопріятную почву для возникновенія синкретическихъ ученій»*, въ такомъ самарянствѣ *«можно усматривать (и) начатки иностическихъ спекуляцій»*.

Если мы обратимся къ книгѣ проф. Рыбинскаго: «Самаряне. Обзоръ источниковъ для изученія самарянства. *Исторія религіи самарянъ»* (курсивъ нашъ),—то найдемъ нѣкоторое

¹⁾ Проф. Рыбинскій не можетъ посѣтовать на насъ за то, будто бы мы дѣлаемъ *«искусную мозаику»* изъ его книги. Мы не беремъ просто отдѣльныхъ выраженій, а цѣлыя предложенія, только опускаая иногда придаточныя предложенія; онъ можетъ даже пожаловаться, чтобы мы заимствовали свои выписки изъ отдаленныхъ частей книги его, наши выписки собраны всего съ 5—6 стр., причемъ двѣ страницы 240—241, а потомъ три стр. 467—469 стоятъ рядомъ.

«Въ самарянско-эллинистической литературѣ... мы видимъ попытки объединенія библейскихъ сказаній съ языческими мифами». Стр. 467.

«Вообще въ существовавшихъ у самарянъ дѣтскихъ изслѣдованіяхъ начала таинственныхъ вещей... можно усматривать начатки иностическихъ спекуляцій». 469.

бъясненіе крайней спутанности проф. Рыбинскаго въ пониманіи самарянства и полную безосновательность его претензій рѣшительные выводы по данному вопросу.

Богословъ ортодоксальнаго направленія имѣетъ чрезвычайно скудные источники для изображенія самарянства. Такъ проф. Рыбинскій пишетъ: «до насъ не дошло какого либо цѣлаго произведенія самарянскіей литературы *библейскаго* ¹⁾ періода, вообще же *объ этой литературѣ, по нашему мнѣнію, можно сказать только одни предположенія.* Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо признать, что она для насъ погибла. Отъ всей этой литературы уцѣлѣло только несколько малоцѣнныхъ (??) фрагментовъ... вся остальная самарянская письменность принадлежитъ, несомнѣнно, періоду послѣ библейскому, причемъ большая часть ея относится уже къ эпохѣ магомеданскаго господства въ Палестинѣ». Изучающій самарянскую религію поставленъ прямо въ безвыходное положеніе. «При изученіи самарянскіей религіи, сѣтуетъ проф. Рыбинскій, безъ сомнѣнія, особенно важно было бы возстановить съ возможною полнотою *тотъ видъ самаританства, который имѣлъ послѣдній въ древнѣйшую, библейскую эпоху,* также прослѣдить процессъ его постепеннаго развитія. Но, къ сожалѣнію, *источники сообщаютъ весьма мало нужныхъ для указанной цели положительныхъ данныхъ.* Принадлежа сравнительно позднему времени, источники представляютъ намъ самарянское вѣроученіе уже въ готовомъ видѣ,—въ той формѣ, какую оно приняло къ IV в. христіанской эры» ²⁾.

Вотъ какія по-истинѣ плачевныя жалобы раздаются изъ устъ проф. Рыбинскаго, поставленнаго въ какую-то роковую необходимость взять на себя «героическую» задачу—написать исторію по несуществующимъ источникамъ. Мы просмотрѣли указатель литературы о самарянахъ читанной и не читанной и невиданной—по собственному его заявленію—проф. Рыбинскимъ, изложенной у него на цѣлыхъ 17-ти страницахъ, и тамъ встрѣтили только *одного, двухъ авторовъ,* писавшихъ «исторію народа и религіи самаританъ», и то лишь, судя по заглавію. Очевидно, западные ученые, даже расширяющіе источники самарянства, ясно сознаютъ, что писать исторію самарянскіей религіи безъ источниковъ и фактовъ невозможно. Можно писать о самарянахъ вообще или по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ, касающимся самарянства; можно, наконецъ, писать

¹⁾ Кончающагося, какъ извѣстно, первымъ или апостольскимъ вѣкомъ.

²⁾ «Самаряне», стр. 62—63, 69, 340. Курсивъ, за исключеніемъ слова *библейскій*,—нашъ.

исторіи самаританъ», какъ Кнобель; но уже никакъ—не ірію самарянства. Проф. Рыбинскій, какъ «библіологъ», идимому, не считаетъ для себя обязательными требованія историка, и онъ принимается сочинять «исторію» самарской религіи... Нужно ли говорить, что у проф. Рыбина получилась не исторія, а только мука! Мы, разумѣется, не разборъ книги сочинительства проф. Рыбинскаго; тому не можемъ по данному вопросу подробно иллюстрировать высказанное положеніе, чтобы не уклониться слишкомъ сторону отъ своей прямой задачи. Но достаточно познаться только съ нѣкоторыми страницами книги проф. Рыбинскаго (напр. 164, 168—169, 173, 175, 189, 232, 241, 249—255 р.), чтобы видѣть, какъ неосновательны и противорѣчивы суженія его. Самый же поразительный фактъ заключается въ томъ, что проф. Рыбинскій написалъ такую «исторію» самарянъ, въ какой не нашлось мѣста главнымъ самарійскимъ сопонажамъ—самарійскимъ волхвамъ! *Дѣйствительная* исторія сарянства не уложилась въ ложѣ, приготовленномъ для нея бібліологомъ» Рыбинскимъ. Это гораздо болѣе удивительно, чѣмъ, если бы кто нибудь, составляя исторію церкви русской, выключилъ бы изъ нея прот. Аввакума, Неронова, попа Лазаря Брусилова и ихъ единомышленниковъ (болѣе удивительно), ибо всѣ эти лица имѣли значеніе лишь въ русской церкви, а сарійскіе маги—во всемірной христіанской.

Но какъ могла получиться такая «исторія» самарянъ? Уже секретъ автора. Книга проф. Рыбинскаго не помогаетъ раскрыть его.

Не имѣя данныхъ «возстановить съ возможною полнотою въ видѣ самаританизма, который имѣлъ послѣдній въ древнюю библейскую эпоху, а также прослѣдить процессъ его постепеннаго развитія» («Самаряне», 340 стр.), проф. Рыбинскій впервые встрѣтился съ крупнымъ религіознымъ явленіемъ на сарійской почвѣ въ лицѣ самарійскихъ маговъ или самарійскихъ сектъ. Казалось бы, автору нужно было, насколько возможно, постараться разгадать это явленіе и выяснить происхожденіе его на самарійской почвѣ. Авторъ, поступаетъ иначе: отказывается признать явленіе самарійскимъ. Откуда то у него уже сложилось по отношенію къ этому времени (1-му тысячелѣтію христіанской эры), вопреки собственному рѣшительному сужденію объ отсутствіи даже одного источника—«какого-либо цѣльнаго произведенія самарянской литературы библейскаго періода (стр. 62),—представленіе объ *ортодоксальномъ са-*

маританствѣ» (стр. 464),—и это при томъ его основномъ положеніи, что самарійство есть «простой конгломератъ отдѣльныхъ ученій» (стр. 341). Такимъ образомъ, у проф. Рыбинскаго получается: ортодоксальный «конгломератъ отдѣльныхъ ученій» выдѣляетъ изъ себя еще секты. Это, конечно, не понятно. Но въ этомъ не наша вина. Не лучше станетъ дѣло, если мы воспользуемся другимъ опредѣленіемъ проф. Рыбинскаго самаританства, какъ «только іудейской секты». Тогда выйдетъ: ортодоксальная «только іудейская секта» произвела изъ себя нѣсколько сектъ (уже вѣроятно не ортодоксальныхъ?). Но увеличеніе «конгломерата отдѣльныхъ ученій» еще новыми ученіями или сектами не нравится проф. Рыбинскому, и онъ исключаетъ изъ области самаританства самарянскія секты во имя ортодоксальнаго «конгломерата», и узкаго и сухого». (469). Въ оправданіе своего устраненія съ самарійской почвы самарійскихъ маговъ проф. Рыбинскій ссылается на англійскаго ученаго Монтгомери, будто-бы еще раньше его изъясвшаго самарійскихъ маговъ изъ исторіи самарянства. Выдержки изъ Монтгомери по такому важному для себя вопросу пр. Рыбинскій не сдѣлалъ. Мы имѣли благое намѣреніе познакомиться съ книгою Монтгомери; къ сожалѣнію, не нашли ея въ мѣстныхъ бібліотекахъ. Но разумѣется, мы вполнѣ вѣримъ проф. Рыбинскому, что онъ точно понялъ Монтгомери и является въ данномъ вопросѣ его усерднымъ ученикомъ.

Однако, заслуживаетъ вниманія такая «параллель» между сужденіями проф. Рыбинскаго о самарянствѣ и взглядомъ на то же явленіе Монтгомери, изъ котораго дѣлаетъ буквальную выдержку проф. Рыбинскій:

Взглядъ проф. Рыбинскаго.

«Въ періодъ Вавилонскаго плѣна (Цар. 17, 40), и, повидимому при Зорававелѣ (1 Езд. IV, 5), самаряне еще не отрѣшились вполнѣ отъ языческихъ вѣрованій. Но во время Ездры и Нееміи уже ничѣмъ не дается понять, чтобы самаряне служили языческимъ богамъ, хотя писатели кн. Ездры и Нееміи и имѣли поводы указать на такое служеніе, если бы оно

Взглядъ Монтгомери.

«Мы не можемъ утверждать, справедливо говорить Монтгомери (замѣчаніе проф. Рыбинскаго), чтобы на сѣверѣ возникло духовное и монотеистическое учрежденіе, подобное іудейской церкви, которое шло своимъ параллельнымъ, но независимымъ путемъ и которое въ конечномъ результатѣ привело къ духовной религіи самаританизма. Мы не можемъ также доказать, что

уществовало. Въ виду этого можно допустить, что *во времена Эздры и Неемии*, точнѣе послѣ іостроенія храма на Гаризимѣ, во второй половинѣ V в., у самарянъ совершенно упразднены были языческіе культы и окончательно утвердился іудейскій монотеизмъ», (стр. 339).

первоначальный самаританизмъ представлялъ синкретизмъ язычества и іеговизма и что *последній элементъ въ концѣ концовъ вышелъ съ торжествомъ въ форму чистаго монотеизма стверной секты. Это значило бы признать въ самаританизмъ большее чудо нежели въ развитіи іудейской религіи*» (стр. 177).

Мы должны замѣтить, что взглядъ Монтгомери на развитіе самарянскій религіи почти діаметрально противоположенъ воззрѣнію проф. Рыбинскаго. Курьезнѣе всего здѣсь то, что проф. Рыбинскій тщательно выписывалъ Монтгомери въ подтвержденіе своихъ сужденій о самарянствѣ («справедливо говоритъ М.»)!

Изъ всего, что доселѣ нами изложено, читатели должны были убѣдиться, насколько запутаны и даже противорѣчивы собственныя сужденія проф. Рыбинскаго о самарянствѣ и какъ поэтому беспочвенны, неосновательны претензіи его на безапелляціонныя заключенія по разсматриваемому вопросу. Теперь мы обратимся къ его полемикѣ противъ насъ.

Мы держались и держимся общепринятаго взгляда на самарянство, что оно, какъ религіозное явленіе, представляло собою *синкретизмъ въ самомъ своемъ рожденіи*, въ самомъ началѣ. ¹⁾ Признавать, что оно въ послѣдующее время постепенно приблизилось къ іудейскому монотеизму это совершенно ненатурально. «Это значило бы, выразимся словами Монтгомери, признавать въ самаританизмѣ большее чудо, нежели въ развитіи іудейской религіи». Да и факты историческіе (хотя

¹⁾ Въ IV-й кн. Царствъ читаемъ о происхожденіи самаританства: «и переселенъ Израиль изъ земли своей въ Ассирію... и перевелъ царь ассирійскій людей изъ Вавилона, и изъ Куты, и изъ Аввы, и изъ Емаа, и изъ Сепорванма, и поселилъ ихъ въ горахъ самарійскихъ вмѣсто сыновъ израилевыхъ... Притомъ сдѣлалъ каждый народъ и своихъ боговъ и поставилъ въ капищахъ высотъ, какія устроили самаряне,—каждый народъ въ своихъ городахъ, гдѣ живутъ они...

Между тѣмъ чтили и Господа, и сдѣлали у себя священниковъ высотъ изъ среды своей, и они служили у нихъ въ капищахъ высотъ. Господа они чтили, и богамъ своимъ они служили по обычаю народовъ, изъ которыхъ выселили ихъ» (Царствъ IV, 24, 25, 32—33).

и единичные) не оправдываютъ такого взгляда. Такъ іудеи, возвратившіеся изъ плѣна, отклоняютъ предложеніе самарянъ принять съ ними участіе въ построеніи храма,—по объясненію проф. Рыбинскаго,—потому что они боялись «привнесенія въ іудейскую религію нежелательныхъ примѣсей» (189 стр.). Этотъ фактъ относится къ концу VI стол. А во второй половинѣ V в. Неемія энергично борется противъ союза іудеевъ съ самарянами же, видя въ немъ большую спасительность для первыхъ (XIII, 1—30). А уже съ IV в. начинается эллинистическое синкретическое теченіе. Гдѣ же было ему найти болѣе благопріятную почву, какъ не среди тѣхъ, религіозныя вѣрованія которыхъ представляли синкретизмъ въ самомъ своемъ рожденіи? Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что синкретическое теченіе началось подъ вліяніемъ завоевательныхъ движеній Александра Макед.; и Самарія сдѣлалась съ того времени игрушкой, часто переходившею изъ рукъ въ руки разныхъ властителей. Во II-мъ вѣкѣ самаряне подверглись сильной эллинизации благодаря энергичной дѣятельности Антиоха Епифана. Ко 2-й половинѣ II в. или къ началу I-го относятся извѣстные фрагменты, заимствуемые Евсевіемъ изъ кн. Александра Полигистора, изъ которыхъ одинъ—большій—приписывается Евполему. Этотъ фрагментъ, какъ и другой очень сходный съ нимъ весьма кратки и очень не высоки по своимъ литературнымъ достоинствамъ; но чрезвычайно важны, какъ историческіе памятники. Фрагменты—Евполема, анонимный, потомъ Клеодема или Малха и Фалла, какъ именно, *фрагменты*, кусочки, отрывки,—конечно, предполагаютъ *цѣлыя* произведенія въ томъ же духѣ, т. е. *эллинистическую* литературу на самарянской почвѣ. Эллинистическая литература обязана своимъ происхожденіемъ синкретическому теченію философско-этическихъ, религіозно-теософскихъ и мистическихъ идей въ послѣдніе вѣка предъ Рождествомъ Христовымъ. Изученію этого сложнаго синкретическаго теченія теперь посвящена уже значительная ученая литература, среди которой первое мѣсто должно быть отведено громадному труду O. Gruppe-Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. В. 1—2 München. 1906, около 3-хъ т. страницъ. ¹⁾ Упомянутые фрагменты—особенно Евполема—являются весьма

¹⁾ Мы сравнительно подробно касались даннаго вопроса въ своихъ статьяхъ «Главнѣйшія философско-этическія и религіозныя теченія въ вѣкѣ Рождества Христова» (Труды К. Д. Академіи. 1910, X—XII); тамъ указана также и подлежащая литература.

характерными въ данномъ отношеніи; въ нихъ, какъ въ капляхъ, отражается цѣлое солнце,—выражается суть упомянутого ученія—смѣшенія идей восточныхъ и западныхъ, вавилонскихъ, египетскихъ и греческихъ. Появленіе маговъ на самарійской почвѣ при такихъ воззрѣніяхъ самарянъ *вполнѣ естественно* и болѣе понятно, чѣмъ въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ.

Таковъ обычный взглядъ на развитіе самарянства и, какъ идимъ, онъ не лишенъ нѣкоторыхъ основаній.

Проф. Рыбинскій, подвергая критикѣ этотъ взглядъ, выжженный и въ нашей статьѣ,—силится сказать что-то новое, хотя, какъ онъ самъ заявляетъ, и не свое, а вычитанное у англійскаго писателя Монтгомери. Чрезвычайно любопытно, какъ онъ это дѣлаетъ.

Проф. Рыбинскій начинаетъ съ того, что въ нашемъ изложеніи фрагментъ Евполема объявляетъ «переданнымъ неверно» (стр. 383), будто бы положеннымъ нами «на прокрустово ложе исторической критики» (384 стр.). Но чрезъ двѣ страницы на третьей (387) проф. Рыбинскій, приведя наше изложеніе фрагмента на судъ читателя и какъ бы предчувствуя его далеко не совпадающее съ собственнымъ впечатлѣніемъ, говоритъ уже въ совсѣмъ пониженномъ тонѣ: «если не *нажимать* на фрагментъ Евполема *такъ сильно*, какъ это дѣлаетъ Посновъ, то изъ него *едва ли* можно получить»... (курсивъ нашъ). ¹⁾ Однако въ чемъ же хочетъ видѣть у насъ проф. Рыбинскій «неверную передачу» фрагмента Евполема и даже извращеніе его (Прокрустово ложе)? А въ томъ, какъ говоритъ проф. Рыбинскій, что мы, при изложеніи фрагмента опустили: «мѣсто рожденія Авраама, его благородное происхожденіе и мудрость... переселеніе въ Палестину и встрѣчу съ Мелхиседекомъ, о его путешествіи въ Египетъ... объ инцидентѣ съ Саррою» (387 с.).

Мы рѣшительно не понимаемъ, для чего это потребовалось проф. Рыбинскому представляться не понимающимъ самыхъ простыхъ вещей? Неужели имъ руководило недостойное тщеславное желаніе *такимъ путемъ* возвести на своего оппонента тяжелое обвиненіе въ извращеніи историческаго документа? Въдѣ

¹⁾ Конечно «нажиманіе», даже сильное уже совсѣмъ не то, что «Прокрустово ложе», или «неверная передача» факта. Не слѣдуетъ и въ полемическомъ спорѣ путаться въ самыхъ простыхъ понятіяхъ и не характеризовать одного и того же явленія такими выраженіями, которые исключаютъ другъ друга. Мифическое прокрустово ложе можетъ означать только вивисекцію, уродованіе, извращеніе факта; а «нажиманіе» по своему натуральному смыслу—это есть старательное доискиваніе изъ предмета того (сока), что можетъ дать по самой своей природѣ.

проф. Рыбинскому хорошо извѣстно, что мы приводимъ изъ фрагмента такія мѣста, которыя свидѣтельствуютъ о синкретическихъ воззрѣніяхъ автора. Для чего же въ такомъ случаѣ намъ было упоминать «о благородномъ происхожденіи Авраама» и «инцидентѣ съ Саррою»? Мы въ этихъ сообщеніяхъ Евполема не видѣли ничего ни синкретического, ни гностического, а ради простого любопытства напоминать, напр., о соблазнительномъ инцидентѣ съ Саррою считали совершенно излишнимъ. Однако, проф. Рыбинскій пытается придать вѣроятность хоть одному, самому слабому изъ выставленныхъ имъ противъ насъ,—какъ видимъ по самому печальному недоразумѣнію,—обвиненію, именно, «если взять фрагментъ съ именемъ Евполема въ цѣломъ... если не нажимать... такъ сильно, то изъ него *едва ли* (sic!) можно получить доказательство какой-то особой любви самарянъ къ астрологіи и вавилонскимъ представленіямъ» (стр. 387). Для разсвѣтленія послѣднихъ иллюзій проф. Рыбинскаго (см. «едва ли»...) мы приведемъ сужденіе объ этомъ отрывкѣ Евполема и другихъ фрагментахъ,—хотя и менѣе важныхъ, но все же имѣющихъ значеніе,—сужденіе ученаго Фрейденталя, котораго проф. Рыбинскій весьма уважаетъ, называетъ авторитетнымъ, знакомство съ которымъ онъ монополизируетъ, а намъ никакъ не хочетъ позволить этой чести,—т. е. быть знакомымъ съ сочиненіемъ (уже выше названнымъ) сего ученаго (стр. 384, 388). Такъ Фрейденталь, подвергши анализу глав. образомъ фрагментъ (псевдо) Евполема, замѣчаетъ: «In diesem genealogischen Stucke die Spitze des synkretistischen Wirrsals erreicht». Вотъ приговоръ о нашемъ спорномъ фрагментѣ самаго авторитетнаго для проф. Рыбинскаго Фрейденталя. «Въ этой генеалогической части (имѣется въ виду противорѣчивое извѣстіе о рожденіи Авраама: Δεχάτῃ δὲ γενεᾷ... и «ἐν τριακᾷ δεκάτῃ... γενεᾷ, о его невыясненномъ отношеніи къ гигантамъ, изъ которыхъ названъ только одинъ Βῆλος, по всей вѣроятности Нимродъ, или Нинъ (изъ аноним. отрывка), объ отождествленіи Атласа съ Енохомъ) *достигается кульминационный пунктъ (die Spitze) синкретической путаницы*». Весь же фрагментъ, по Фрейденталю, представляетъ: «конгломератъ іудейской исторіи и греко-вавилонской мифологіи» («ein Conglomerat jüdischer Geschichte und griechisch—babylonischer Mythologie»). Вообще же о фрагментахъ говорится, что «они суть памятники печальнаго дробленія библейскаго преданія. Гдѣ самаритянинъ пользуется библией (тамъ онъ) не понимаетъ или затемняетъ ее; гдѣ онъ приводитъ саги чужихъ народовъ, онъ не противопоставляетъ

хъ еврейскимъ разсказамъ въ первоначальной опредѣленности, но перемѣшиваетъ враждебные элементы разнаго рода, акъ что то и другое является извращеннымъ или распавшимся» ¹⁾. Если насъ понимающихъ подобнымъ же образомъ порные фрагменты, пр. Рыбинскій обвиняетъ самое меньшее въ «нажиманіи», то «самаго авторитетнаго» Фрейдентала онъ уже е рѣшится обвинить въ томъ. Какъ же послѣ этого назвать гремленіе проф. Рыбинскаго укрыться за Фрейденталемъ въ своемъ пониманіи фрагмента и выставить его чуть ли не полеистомъ противъ насъ (стр. 388)? Какъ послѣ этого комична острота сего профессора, что будто бы только намъ однимъ хочется видѣть у Евполема синкретизмъ въ воззрѣніяхъ!

Сказаннымъ мы отнюдь не покончимъ съ спорнымъ фрагментомъ. Не легко скоро сговориться съ тѣмъ, кто и въ литературную полемику вводитъ дипломатическіе приемы, всячески лавируетъ. Какъ бы забывши свое обвиненіе меня въ невѣрной передачѣ и извращеніи фрагмента, проф. Рыбинскій замѣчаетъ: «напрасно г. Посновъ усиливается доказать синкретизмъ Евполема противъ меня. Отличіе моихъ разсужденій въ данномъ пунктѣ отъ разсужденій г. Поснова заключается лишь (sic!) въ томъ, что я, во-первыхъ, считаю несправедливымъ склонность плинниста Евполема къ синкретизму переносить на все самарянство, во-вторыхъ не нахожу возможнымъ говорить о какомъ то исключительно (?) странномъ смѣшеніи въ общесамарянскихъ воззрѣніяхъ «дейскихъ и вавилонскихъ элементовъ» (стр. 386). Прежде всего между первымъ и вторымъ положеніемъ нѣтъ яснаго соотношенія: въ первомъ положеніи проф. Рыбинскій исключаетъ фрагментъ Евполема изъ тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно составлять представленія о воззрѣніяхъ самарянъ; о второмъ—онъ не допускаетъ возможности говорить «о какомъ-то исключительно ²⁾ странномъ смѣшеніи въ общесамарянскихъ воззрѣніяхъ іуд. и вав. элементовъ». Имѣются ли дѣсь (во 2-мъ положеніи) воззрѣнія самарянъ за исключеніемъ спорнаго фрагмента, какъ источника, или же съ вклю-

¹⁾ «Sie sind Denkmale einer traurigen Verzerrung hebräischer Ueberlieferung. Wo der Samaritaner die Bibel benutzt, missverstet oder missdeutet er sie; oder sagen fremden Völker anführt, stellt er sie nicht in ursprünglicher Bestimmtheit den hebräischen Berichten gegenüber, sondern mischt die feindlichen Elemente derart, dass beide entsteht oder zerstört ers cheinen».

²⁾ «Исключительно» — выраженіе не наше, и въ томъ смыслѣ, въ какомъ его употребилъ проф. Рыбинскій, оно не могло быть нами употреблено. О синкретизмѣ самарянъ мы говоримъ не «исключительно», а именно, включительно, т. е. синкретическимъ теченіемъ.

ченіемъ его? Такъ какъ мы говоримъ о воззрѣніяхъ самарянъ на основаніи даннаго фрагмента, то и проф. Рыбинскій, полемизируя съ нами, то же самое, кажется, имѣетъ въ виду. Но въ такомъ случаѣ второе положеніе должно быть иначе формулировано, въ родѣ, напр., того: если даже и признать фрагментъ Евполема въ качествѣ источника для характеристики воззрѣнія самарянъ, то и тогда... Теперь по существу. Первое положеніе въ своемъ отвлеченіи значитъ: на основаніи извѣстнаго документа, или литературн. памятника, принадлежащаго какому либо народу, нельзя судить о самомъ народѣ, или большинствѣ его. Намъ кажется, совсѣмъ напротивъ. За нѣкоторые рѣдчайшими исключеніями писатели извѣстнаго народа всегда считаются свидѣтелями о состояніи и воззрѣніяхъ даннаго народа. А для доказательства въ частности того, что наши спорные самарянскіе фрагменты могутъ и должны быть привлекаемы въ качествѣ прямыхъ источниковъ для опредѣленія воззрѣнія самарянъ, мы приведемъ сужденіе «самаго авторитетнаго изслѣдователя» этихъ фрагментовъ Фрейден-таля. Онъ пишетъ: «литература есть только идеализированное отраженіе дѣйствительности, и не можетъ быть никакого литературнаго явленія, которому не соотвѣтствовало бы какое-нибудь значительное теченіе въ самой народной жизни». ¹⁾— Второе положеніе проф. Рыбинскаго направлено противъ подчеркиваемого нами особаго смѣшенія въ спорномъ фрагментѣ воззрѣній іудейско-самаританскихъ и вавилонскихъ. Да, мы говорили, что на основаніи сообщеній Евполема можно заключить объ «особой любви самарянъ къ вавилонскимъ представленіямъ, къ изученію звѣздъ, къ халдейской мудрости» ²⁾, и на это имѣли полное право. Въ самомъ дѣлѣ, въ небольшомъ отрывкѣ Евполема, въ которомъ легко сосчитать не только количество строкъ, но даже и словъ и буквъ, авторъ его умудряется поставить своего героя въ ближайшее соприкосновеніе съ двумя, собственно говоря, единственными древними источниками синкретическихъ теченій—съ вавилонскою и египетскою мудростью. По приговору автора отрывка, Авраамъ не просто познакомился съ мудростью древняго міра, а самъ совмѣщалъ всю ее въ себѣ, являясь изобрѣтателемъ ея и про-

¹⁾ «Denn die Litteratur ist nur das idealisirte Spiegelbild der Wirklichkeit, und es kann keine litterarische Erscheinung geben, der nicht eine richtunggebende Strömung im Volksleben selbst entzpräche».

²⁾ Труды Киев. Дух. Академіи. 1912, XI, стр. 392, примѣч.

ѣтителемъ другихъ. «Εὐπόλεμος... φησιν... Ἀβραάμ... εὐγενία καὶ φιλία πάντας ὑπερβεβηκότα, ὃν δὴ καὶ τὴν ἀστρολογίαν καὶ Χαλδαϊκὴν ρεῖν... εἰς Φοινίκην ἐλθόντα, κατοικῆσαι καὶ τροπὰς ἡλίου καὶ σελήνης καὶ ἄλλα πάντα διδάξαντα... συζήσαντα δὲ τὸν Ἀβραάμ ἐν Ἡλιουπόλει τοῖς γοπτῶν ἱερεῶσι πολλὰ μετὰδιδάξαι αὐτοὺς, καὶ ἀστρολογίαν καὶ πᾶσι τούτοις εἰσηγγέσασθαι φάμενον Βαβυλωνίους ταῦτα καὶ αὐτὸν ρηθέναι».... «Самый авторитетный изслѣдователь» даннаго рагмента Фрейденталь предупреждаетъ, что выраженіе «τὴν ἀστρολογίαν καὶ Χαλδαϊκὴν» нельзя измѣнять въ ἀστρολογίαν χαλδαϊκὴν (т. е. безъ καὶ); ибо астрологія часто разсматривается, какъ магическая наука κατ' ἐξοχήν, поэтому приложеніе (т. е. поименованіе) не требуется; но были и другія науки, которыя считались халдейскими, такъ теологія, математика». Значить, Фрейденталь¹⁾ приписываетъ Аврааму на основаніи фрагмента огромное, во всемъ объемѣ знаніе древней мудрости. Поэтому «особая любовь» автора фрагмента къ вавилонскимъ представленіямъ, къ халдейской астрологіи и пр. и «до очевидности явные» слѣды синкретизма не выдумка г. Поснова, а не поджогъ никакому перетолкованію свидѣтельство фрагмента, — акты, сообщаемые имъ. Выше нами отмѣчено, какъ выражается Фрейденталь объ этомъ фрагментѣ, видя въ немъ «верхъ синкретической путаницы». Только проф. Рыбинскій, ища предъ очами факты, въ пылу полемики отвращаетъ отъ нихъ свои взоры!..

Въ послѣдней фразѣ фрагмента Евполема, что сынъ Еноха Маѳусалъ πάντα δι' ἀγγέλων θεοῦ γινῶναι, καὶ ἡμᾶς αὐτως ἐπιγινῶναι — мы смотрѣли намекъ на гностическія воззрѣнія. Слѣва γινῶναι, ἐπιγινῶναι (=γινῶσις, ἐπίγινωσις), не обычный способъ выраженія: «и такимъ образомъ насъ позналъ» — въ документѣ, происходящемъ изъ времени синкретическихъ и гностическихъ теченій — все это — думаемъ — давало намъ нѣкоторое основаніе высказать такое предположеніе²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, откуда могли быть заимствованы эти мысли о познаніи Маѳусаломъ всего чрезъ ангеловъ Божіихъ и познаніи въ частности людей? Въ книгѣ бытія нѣтъ никакихъ основаній для нихъ. Проф. Рыбинскій говоритъ, что нужно обратиться къ книгѣ «Юбилеевъ, которая написана будто бы приблизительно одновременно съ произведеніемъ Евполема», гдѣ о Маѳусалѣ говорится: «И отъ онъ былъ съ ангелами Божіими въ продолженіе шести лѣтъ, и они показали ему все, что на землѣ и на небесахъ,

¹⁾ *Freudenthal. Hellenistische studien. s. 208,*

²⁾ *Ср. Hilgenfeld. Die Ketzergeschichte. s. 151.*

господство солнца; и онъ записалъ все» (стр. 389). Но во 1-хъ, параллель далеко не точная: въ книгѣ Юбил. ничего не говорится о *γνώσις* или *ἐπίγνωσις* Маѳусала и знаніи имъ, именно, людей чрезъ ангеловъ. Проф. Рыбинскій какъ вскользь замѣчаетъ: «чрезъ ангеловъ Божіихъ сообщается именно божественное откровеніе». Но эта фраза можетъ имѣть значеніе только для людей несвѣдущихъ. Гдѣ же въ библии сказано, что «чрезъ ангеловъ Божіихъ» Маѳусалъ получилъ откровеніе? Гдѣ вообще въ библии ветхаго завѣта говорится о божеств. откровеніи, ниспосланномъ именно «чрезъ ангеловъ Божьихъ»? Во 2-хъ, доказать раннѣйшее происхожденіе кн. Юбилеевъ — что для проф. Рыбинскаго безусловно важно — онъ даже и не пытается, кидаая неопредѣленное выраженіе «о приблизительно одновременномъ происхожденіи» фрагмента Евполема съ кн. Юбилеевъ. На самомъ дѣлѣ, почти несомнѣнно, фрагментъ относится, къ болѣе раннему времени, чѣмъ кн. Юбилеевъ. Евполемъ жилъ, по признанію «самаго авторитетнаго» Фрейдентала, въ половинѣ II в. 1), съ чѣмъ согласенъ и проф. Рыбинскій, опираясь на Ширера 2). Отъ того времени происходитъ и фрагментъ съ его именемъ. Въ половинѣ I в. его уже компилируетъ Александръ Полигисторъ. Между тѣмъ относительно книги Юбилеевъ, изучившій ее и сдѣлавшій переводъ ея на русскій языкъ, проф. А. В. Смирновъ замѣчаетъ, что только съ вѣроятностью можно относить написаніе ея ко времени ранѣе 70 года по Р. Х. Какимъ же образомъ послѣдующее явленіе можетъ объяснить происхожденіе предшествующаго? Попытка проф. Рыбинскаго болѣе, чѣмъ странна. Не имѣя возможности выяснить происхожденіе заключенія фрагмента Евполема изъ библии, мы ставимъ его въ связь съ гностическою литературою того времени и указываемъ для него параллель въ такомъ изреченіи гимна ноассековъ: *Ἀρχὴ τελείωσεως γνώσις ἀνθρώπου, θεοῦ δὲ γνώσις ἀπληρομένη τελείωσις*. (Гносисъ дѣйствительно стремился къ распознаванію людей и дѣленію ихъ на три класса). Это обстоятельство подало поводъ проф. Рыбинскому сдѣлать грубый выпадъ по нашему адресу въ самодовольномъ чувствѣ полного превосходства и умѣнія поучить другого даже въ области для себя чуждой: «если г. По-сновъ желалъ найти комментарий къ поразившей его фразѣ Евполема, то уже, конечно, за этимъ комментариемъ ему нужно было

1) Freudenthal. Hellenistische Studien. s. 123...

2) Вл. Рыбинскій. Самаряне. 64, примѣч.

ваться не къ Ипполиту. Въдѣ Ипполитъ тремя вѣками отдѣ-
отъ Евполема, а въ его изреченіи «начало совершенства—по-
человѣка; познаніе же Бога есть безусловное совершенство»—
тно только одинъ г. Посновъ ; можетъ усматривать параллель
съ фразою Евполема о Маѳусалѣ» (стр. 389). Проф. Ры-
кій и не подозрѣвалъ, какую грубую ошибку онъ допу-
при этомъ, приписывая ученіе наассековъ Ипполиту.
іе наассековъ, изложенное у Ипполита въ V книгѣ, есть
еское и относится къ II-му, или къ началу I-го вѣка до-
ества Христова; ¹⁾ уже христіанскія интерполяціи этого
относятся ко времени Адріана ²⁾. По замѣчанію Рей-
тейна ³⁾ «ученіе о *Ἀνδρωπος* (у наассековъ) есть древнѣйшее
еобщее откровеніе, оно есть зерно всѣхъ мистерій». Зна-
, гностическое ученіе наассековъ, изъ котораго взято нами
женіе, въ своей основѣ относится какъ разъ къ тому
ени, когда явился фрагментъ Евполема. Съ точки зрѣнія
мающагося гностицизмомъ приписывать все, содержащееся
илософуменахъ Ипполита, авторству или сочинительству
сть невѣжество...

Въ связи съ разсужденіями о фрагментѣ Евполема въ
ѣдней его части проф. Рыбинскій говоритъ: «Г. Посновъ
воемъ изслѣдованіи склоненъ понимать гностицизмъ такъ ши-
и такъ неопредѣленно, что онъ согласенъ отнести къ гности-
у и толстовство, и теософію, и ницшеанство и модернизмъ».
стр.). Это обвиненіе возведено на насъ проф. Рыбинскимъ
полномъ и сознательномъ нарушеніи 9-й заповѣди закона
ия или Моисеева, который онъ преподаетъ студентамъ.
ф. Рыбинскій дѣлаетъ ссылку на предисловіе къ нашей
і, произнесенной на годичномъ актѣ духовной Академіи,
ент. 1912 г. Такъ какъ на академич. актѣ бываетъ немало
, безъ богословскаго образованія, то академическому лек-
обычно въ такомъ случаѣ бываетъ нужно—чтобы не пре-
ести вмѣсто хлѣба камень—возбудить интересъ къ своей
і, если возможно, сблизить ее съ современными теченіями и
ь то сдѣлать доступною богословскую рѣчь для пониманія
ѣтскаго образованнаго человѣка. Предстояла такая задача

¹⁾ R. Reitzenstein. Zwei religions geschichtliche Frage. Strassburg, 1901, Cp. Al. Dieterich. Abraxas. Studien zur Religionsgeschichte de spätern ums. Leipzig. 1891, s. 71.

²⁾ R. Reitzenstein. Poimandres. Studien zur greechisch agyptiseher und ristlichen Literatur. Leipzig. 1904. s. 102.

³⁾ R. Reitzenstein. Poimandres. s. 101.

въ свое время и намъ, при нашей слишкомъ специальной темѣ о гностицизмѣ ¹⁾. Мы въ этомъ случаѣ воспользовались нѣсколько оригинальными сужденіями Е. Г. Шмита, причисляющаго къ гностикамъ и русскаго Льва Толстого, — В. Шульца, сближающаго гностицизмъ съ модернизмомъ, и энцикликой Пія X, видѣвшаго въ модернизмѣ возрожденіе древняго гностицизма. Чтобы кто-нибудь не счелъ подобныхъ распространительныхъ толкованій гностицизма нелѣпыми, мы примирительно по поводу ихъ писали: «Всѣ эти сближенія современныхъ явленій съ гностицизмомъ отнюдь нельзя считать навязанными или произвольными». — Такъ вотъ, значить, какъ было дѣло: не мы «понимали гностицизмъ такъ широко и неопредѣленно», а для приданія интереса рѣчи приводили оригинальныя другія и просили не считать ихъ нелѣпыми или произвольными. Не трудно понять, что одно дѣло — «сближеніе» извѣстнаго явленія съ другими — и совсѣмъ иное — опредѣленіе сущности сближаемаго явленія. Что же касается нашего пониманія гностицизма, то оно вполне опредѣленно выражено въ этой же рѣчи. Съ точки зрѣнія экзотерической, *à vol d'oiseau*, мы видѣли и видимъ въ гностицизмѣ необходимый переходъ отъ воззрѣній древняго міра къ новому христіанскому. «Древній міръ, признавъ въ лицѣ гностиковъ за христіанской религіей ея абсолютный характеръ и видя въ ней завершеніе прежняго мірового развитія, принесъ въ даръ христіанству будто бы лучшія свои сокровища» ²⁾. Съ точки зрѣнія эзотерической гностицизмъ, по нашему, есть «явленіе религіозное», стремленіе «къ спасенію души», «ближайшая практическая цѣль гностицизма — избавить человѣка отъ бѣдствій этого міра, указать ему для этого «ἀγίαν ὁδόν» и открыть ему всѣ сокровенности этого пути (τὰ κρυπόμενα τῆς ἀγίας οδοῦ ³⁾). Кратко, по нашему мнѣнію, гностицизмъ есть необходимый, хотя и болѣзненный переходъ отъ древняго до-христіанскаго міра къ новому, христіанскому, когда человѣкъ, долго ища спасенія

¹⁾ «Гностицизмъ и борьба церкви съ нимъ во II вѣкѣ». Труды Кіев. дух. Академіи. 1912 XII (декабрь стр. 509—567) и отдѣльные оттиски.

²⁾ Въ статьѣ, одно изъ примѣчаній къ которой подвергается критикѣ проф. Рыбинскаго, мы пишемъ: (гностицизмъ есть) органическая болѣзнь древняго міра при перемѣнѣ, или при переходѣ въ новую сферу жизни. Здѣсь болѣлъ человѣческій духъ, когда ему пришлось радикально измѣнить свои прежнія воззрѣнія и замѣнить ихъ совершенно новыми. (Труды К. Д. Академіи 1913, IX (сент., стр. 47).

³⁾ Гностицизмъ (Рѣчь), стр. 12—13, 38—42.

въ язычествѣ и, наконецъ, обрѣтя его въ христіанствѣ, ился пронести въ него съ собою изъ язычества и все то, что оно предлагало ему для его цѣли.—Если проф. Рыбинскій гласенъ съ такимъ опредѣленіемъ гностицизма, то пусть и обуетъ высказать свое. Но для чего же ему, *зная наше мнѣніе*, потребовалось подмѣнять наше пониманіе другимъ, чуждымъ родѣ дѣлать подлогъ, и такимъ образомъ, по волю великаго апостола, подавлять истину ложью?..

Этимъ мы заканчиваемъ разборъ возраженій со стороны проф. Рыбинскаго противъ насъ по вопросу о самарянствѣ ¹⁾. Къ дѣлу, кратко говоря, заключается въ слѣдующемъ. Проф. Рыбинскій, при изученіи самарянства, не имѣя цѣльныхъ источниковъ за весь библейскій періодъ, т. е. до конца I в. н. э. (стр. 62), или даже до IV в. (стр. 340) и расположился нѣкоторыми свѣдѣніями о происхожденіи самарянства въ іудейскихъ источникахъ (кн. Цар., Парал. Ездры, Иер., Иос. Фл.), впервые встрѣтился собственно съ самарянскими произведеніями въ видѣ фрагментовъ Евполема, Клеодора и др. Казалось бы, проф. Рыбинскому нужно было заняться за нихъ и проанализировать каждое слово и выразить въ нихъ,—онъ же совсѣмъ неожиданно и рѣшительно категорично объявляетъ ихъ «мало-цѣнными» ²⁾. Жалуясь на

¹⁾ Проф. Рыбинскій недоумѣваетъ («Странникъ», 1914, III, стр. 382), почему, разсуждая о до-христіанскомъ гностицизмѣ, больше вниманія удѣляетъ язычеству и іудейству, чѣмъ самарянству. — Но проф. Рыбинскій забываетъ при этомъ общеизвѣстную истину, что язычество и іудейство, вообще говоря, въ собою итогъ развитія всего древняго міра, а самарянство, въ сравненіи съ ними, какая-то жалкая дробь. Поэтому намъ, пытавшимся вскрыть до-христіанскіе корни гностицизма, вполне естественно было остановиться на начаткахъ языческаго и іудейскаго гнозиса; туда же входило и самарянство, по скольку оно представляло собою смѣшеніе языческихъ и іудейскихъ элементовъ. Что же касается главныхъ представителей гностицизма, особенно Симона м., то мы имѣемъ удѣляемъ имъ не много места.

²⁾ Проф. Рыбинскій выражается такъ: «до насъ не дошло какого-либо цѣльнаго произведенія самарянскій литературы библейскаго періода... Но необходимо признать, что она для насъ погибла. Отъ всей этой литературы до насъ дошло только нѣсколько малоцѣнныхъ фрагментовъ» («Странникъ», стр. 62—63). Подчеркнутыя мною слова чрезвычайно неосторожны и, кажется, совершенно попали подъ руку проф. Рыбинскаго. Мы сильно подозреваемъ, что кому-то изъ нихъ послужили такіе фразы Фрейденшталя: «Freinlich, der innere Inhalt dieser Fragmente ist ein höchst geringer», или «den (sc. Werth) ihr Inhalt nicht ansprechen kann»; тѣмъ болѣе Фрейденшталя проф. Рыбинскій не долженъ думать—съ чужихъ словъ, такъ какъ самъ онъ не знаетъ его—«самымъ вѣрнымъ изслѣдователемъ фрагмента». Узнавши отъ другихъ объ «авторитетѣ

отсутствіе источниковъ для изложенія воззрѣній самарянъ вплоть до IV в. (стр. 340), проф. Рыбинскій почему то никакъ не хочетъ для этой цѣли воспользоваться указанными фрагментами, игнорируя содержаніе ихъ, хотя и соглашается, что для насъ погибла цѣлая, подобная фрагментамъ литература (стр. 63). Впрочемъ подъ давленіемъ господствующаго мнѣнія, проф. Рыбинскій не-хотя допускаетъ, что, напр., во фрагментѣ Евполема «видны слѣды синкретизма» и что все отличіе его разсужденій въ данномъ пунктѣ «заключается лишь въ томъ» и т. д. Но когда доходитъ дѣло до подтвержденія подобныхъ заявленій, проф. Рыбинскій уклоняется. Она даже старательно изглаживаетъ изъ спорнаго фрагмента всякіе «слѣды» и синкретизма и гностицизма, заявляя, что «центръ тяжести повѣствованія (т. е. фрагмента) не въ подчеркиваніи астрологіи, а въ стремленіи прославить Авраама путемъ усвоенія ему всего того, что особенно цѣнилось въ эпоху автора и что входило тогда въ понятіе мудрости» (стр. 387). О заключительныхъ

Фрейденталя, проф. Рыбинскій вздумалъ познакомиться съ нимъ. Но просматривалъ его лишь мелькомъ, только «листовалъ». Выше мы показали въ сколь многихъ пунктахъ Фрейденталь свидѣтельствуетъ рѣшительно противъ него. А въ данномъ случаѣ онъ наноситъ профессору Рыбинскому смертельный ударъ. Дѣло въ томъ, что проф. Рыбинскій, повидимому, смѣло воспользовавшись выписанными фразами «авторитетнаго» Фрейденталя для своего суроваго приговора о малоцѣнности фрагментовъ, по непріятнѣйшей для себя случайности, не прочиталъ слѣдующихъ словъ и фразъ. А они объясняютъ, что малоцѣнность (*der innere Werth... ein höch t geringer*) относится къ литературному достоинству отрывковъ, къ безталанности ихъ авторовъ, а не къ нимъ, какъ историческимъ памятникамъ. Именно Фрейденталь за первой выше приведенной фразой говоритъ: «*Unschön und schwülstig sind die poetischen, unwahrhaft und geistlos die meisten prosaisch-historischen Stücke: Keines von jenen ist da Erzeugnisse eines echten Dichters; keines von diesen das Werk eines wahren Geschichtschreibers*». На слѣдующей страницѣ Фрейденталь пишетъ: «*полная рукопись можетъ подсказать (соб. geben) внимательному читателю весьма цѣнные выводы (werthvolle Aufschlüsse) относительно времени, которое она изображаетъ*». Въ другомъ мѣстѣ Фрейденталь разсуждаетъ, что наши фрагменты «единственные остатки древней самарянско-эллинской литературы. Какъ такіе они имѣютъ цѣну... Они — древнѣйшія данныя, доказывающія существованіе самарянской письменности въ до-христіанское время и единственно надежные свидѣтели характера этой письменности, такъ какъ всѣ другія извѣстія о самаритянахъ заимствуются изъ лагеря противниковъ». Появленіе своей монографіи о фрагментахъ Фрейденталь объясняетъ желаніемъ вывести данныя фрагменты, изъ «пренебреженія», литературнаго несправедливаго забвенія. — Послѣ такихъ краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ свидѣтельствъ «самаго авторитетнаго изслѣдователя» фрагментовъ, въ какой же злополучный для себя часъ проф. Рыбинскій могъ объявить фрагменты «малоцѣнными»?...

овахъ фрагмента (ὅν (ss. Μαθουσαίον) πάντα δι' ἀγγέλων θεοῦ ὄναι, καὶ ἡμᾶς οὕτως ἐπιγινώσκειν) проф. Рыбинскій замѣчаетъ: «Вполемъ говорить не о какомъ-либо гностическомъ знаніи Іеусала, а только о знаніи настоящаго и будущаго (? ἐπιγινώσκειν означъ насъ)», полученномъ отъ ангеловъ Божьихъ» (р. 390). Эта-то двойственность и лавированіе — признаніе и отрицаніе: признаніе на словахъ и отрицаніе на дѣлѣ всякихъ синкретическихъ и гностическихъ слѣдовъ во фрагментѣ Вполема и затрудняетъ для читателя, не знакомаго съ специальнымъ вопросомъ, сразу понять безвыходность положенія проф. Рыбинскаго и, наоборотъ, можетъ создать впечатлѣніе, что и проф. Рыбинскій на чемъ-то опирается.

2. По второму вопросу о самарійскихъ магахъ, у которыхъ проф. Рыбинскій отрицаетъ самарійское происхожденіе и вліяніе на христіанскій гностицизмъ, мы будемъ кратки. Это, во-1-хъ, потому, что свидѣтельства ересеологовъ мы привели въ началѣ нашей статьи; во-2-хъ, потому, что изслѣдователи гностицизма и самаританства—за рѣдкими исключеніями—должны раздѣляютъ сужденія ересеологовъ о значеніи самаританства для христіан. гностицизма; въ-3-хъ, потому, что, въ виду такого положенія дѣлъ, считаемъ напрасною тратою времени и труда длительныя рѣчи по этому вопросу. Отвѣтъ на крайне странную и до невѣроятности придиричивую критику проф. Рыбинскаго можно дать развѣ только въ свободное отъ всякихъ занятій время.

Проф. Рыбинскій, конечно, не можетъ отрицать приведенныхъ данныхъ христіанскихъ ересеологовъ; не можетъ онъ отрицать и почти общаго признанія ихъ со стороны изслѣдователей. Онъ по этому поводу говоритъ: «что разсматриваемый нами взглядъ (т. е. высказанный въ данномъ случаѣ нами, но этотъ взглядъ общепризнанный) принимается весьма многими авторами, это справедливо. Но нельзя забывать, что большинство этихъ авторовъ самарянствомъ не занимались и потому легко могли допустить неточности (sic!)... что касается свидѣтельства древнихъ ересеологовъ, то едва ли они въ данномъ случаѣ могутъ имѣть рѣшающее значеніе» (?) (стр. 402. Естественно поставить вопросъ проф. Рыбинскому, во имя чего же онъ выступаетъ такимъ рѣшительнымъ новаторомъ, не желающимъ считаться съ свидѣтельствами древнихъ отцовъ и учителей Церкви и почти общимъ признаніемъ ихъ со стороны новыхъ ученыхъ? Проф. Рыбинскій чувствуетъ неотложность этого вопроса и отвѣчаетъ на него такъ: «Въ настоящее

время, съ появленіемъ значительнаго количества новыхъ матеріаловъ о самарянахъ, древній самаританизмъ извѣстенъ гораздо лучше, чѣмъ раньше, а, значитъ, и вопросъ объ отношеніи самарянства къ гностицизму можетъ быть рѣшенъ уже съ большею основательностью. И вотъ, я полагаю, что новые матеріалы о самарянахъ заставляютъ внести значительныя ограниченія въ обычное рѣшеніе указаннаго вопроса» (стр. 402. Курсивъ нашъ). Но это заявленіе настолько не соотвѣтствуетъ дѣйствительности въ нашемъ вопросѣ, что является положительно непонятнымъ, какъ проф. Рыбинскій могъ высказать его. Что же это за «новые матеріалы о самарянствѣ», которые «заставляютъ» измѣнить прочно установившійся и основательно обоснованный взглядъ на самарійскихъ маговъ? Въ своей книгѣ о самарянахъ проф. Рыбинскій, какъ мы уже знаемъ, слезно жалуется на полное почти отсутствіе источниковъ о самарянахъ до конца I-го в. христ. эры или даже до IV в. (стр. 62—63, 340 и др.), не привлекаетъ онъ этихъ «новыхъ матеріаловъ» и въ критикѣ противъ насъ—а съ какимъ бы удовольствіемъ онъ это сдѣлалъ!—И вдругъ въ концѣ критики заявляетъ о «новыхъ матеріалахъ». Впрочемъ, говоря вообще, неудивительно, если къ началу второго десятилѣтія XX в. явились-бы новые источники о самарянахъ, которыхъ не знали въ началѣ 90-хъ годовъ XIX, когда Вл. П. Рыбинскій, тогда еще юный доцентъ, принялся за изученіе самарянства. Поэтому мы справились въ «дополненіяхъ» къ его книгѣ, вышедшей въ 1913 г. Но тамъ не нашли «новыхъ матеріаловъ о самарянствѣ». Почему же проф. Рыбинскій таинственно молчитъ о нихъ и не дѣлаетъ изъ нихъ употребленія? Вѣдь и гностики, прославившіеся своимъ таинственнымъ преданіемъ, указывали всегда, изъ какихъ, конечно, мнимыхъ источниковъ они заимствовали его...

Никакихъ такихъ «новыхъ матеріаловъ о самарянствѣ», которые «заставляли» бы профессора Рыбинскаго радикально измѣнить обычный взглядъ на самарійскихъ волхвовъ,—не появлялось; иначе бы они были извѣстны всему читающему міру. Здѣсь уже явно критика проф. Рыбинскаго переходитъ въ авантюру и становится ходульной.

Не желая и не имѣя возможности терять время на разборъ такой критики, мы приведемъ лишь для образца нѣкоторые пункты изъ нея.

Мы въ подвергаемомъ теперь проф. Рыбинскимъ пристрастной критикѣ примѣчаніи отмѣтили, что положеніе проф. Рыбинскаго по вопросу о самарійскихъ магахъ совсѣмъ без-

венное: онъ вырываетъ ихъ изъ самарійской среды, и не вырываетъ имъ мѣста нигдѣ вообще на землѣ, такимъ образомъ, онъ съ самарійскими волшебниками виснетъ въ воздухѣ. Положеніе безвыходное и не лишенное комизма. Проф. Рыскій очень обидѣлся на насъ за это и отвѣчаетъ такою стинѣ мудреною тирадою: «Г. Посновъ находитъ, что ученіе она оказывается висящимъ на воздухѣ, послѣ того какъ выута изъ-подъ него самарійская почва. Критикъ не замѣчаетъ, опровергая мой взглядъ, онъ самъ подыскиваетъ для него основанія... (!) Не подлежитъ никакому сомнѣнію (sic!), что въ синастствѣ нельзя найти почвы для усвояемой Симону ложной гностической системы. Если теперь г. Посновъ, въ качествѣ изслѣдателя гностицизма, заявляетъ, что безъ самарійской почвы система она будетъ висѣть въ воздухѣ, то я могу въ этомъ заявленіи признать только новое доказательство того, что, значитъ, въ первоначальномъ симоніанствѣ синкретизмъ и гностицизмъ отсутствовали, и что симоніанство Иринея и Ипполита есть продукты позднѣйшей обработки» (стр. 397). Что значитъ фраза: «Критикъ замѣчаетъ, что, опровергая мой взглядъ, онъ самъ подыскиваетъ для него основанія»... да еще не договоренная,—разбить эту фразу мы отказываемся. Повидимому, проф. Рыскій здѣсь самъ запутывается въ собственныхъ дипломатическихъ приемахъ. Чтобы мы подыскивали «основанія» для ф. Рыбинскаго, какъ можно предполагать изъ дальнѣйшаго,—въ томъ смыслѣ, будто первоначальную систему Симона нужно представлять свободною отъ синкретическихъ элементовъ,—это какое то «видѣніе», а не дѣйствительность. Проф. Рыбинскій, какъ кажется, хочетъ сказать, что онъ вовсе бы не спорить противъ историческихъ свидѣтельствъ и считать Симона самаряниномъ, если бы ему не приписывать гностической системы, изложенной у Иринея. Но это «imprimis» выражено у него крайне неясно, какъ-то скороговоркой и боязливо, хотя и понятно, почему такъ. Чтобы подбодрить эту желательную мысль, проф. Рыбинскому нужно было подвергнуть отрицательной критикѣ свидѣтельство Иринея—Иустина. Но независимо даже отъ того, что это свидѣтельство заставило бы проф. Рыбинскаго знакомиться многими нѣмецкими «Quellenkritic des Gnosticismus»,—онъ утверждалъ, что доказать ему своей желательной, но тенденциозной мысли и тогда не удалось бы. Въ такомъ случаѣ проф. Рыбинскій уже безъ всякаго предварительнаго изученія источниковъ—Иринея, Ипполита и безъ всякихъ доказательствъ

смѣло заявляетъ: «въ первоначальномъ симоніанствѣ синкретизмъ и гностицизмъ отсутствовали, и что симоніанство Ириней и Ипполита есть продуктъ позднѣйшей обработки». Если повѣрить кто этому вымыслу,—то и хорошо; а если и не повѣрятъ,—не плохо, такъ какъ автору высказать эти смѣлыя мысли не стоило ровно никакого труда. Разумѣется, лицамъ, занимающимся изученіемъ гностицизма, такое заявленіе можетъ показаться просто ни съ чѣмъ не сообразнымъ. Какая такая возможна была въ I-мъ вѣкѣ на самарійской почвѣ система—не синкретическая, не гностическая? Какимъ образомъ св. Ириней, имѣвшій подъ руками синтагму Іустина, могъ извратить до неузнаваемости систему Симона? Какъ можно уравнивать системы Симона у Ириней и Ипполита, когда онѣ рѣзко различаются между собою?..

Безвыходность собственнаго положенія проф. Рыбинскій хочетъ прикрыть придирчивою и мелочною критикою нашихъ разсужденій о Симонѣ магѣ. Мы, напр., слѣдуемъ Клостерману при пониманіи слова *μεγάλη* (въ выраженіи дѣписателя Луки о Симонѣ магѣ «сей есть сила Божія великая» [*μεγάλη*]), который предполагаетъ здѣсь буквальное перенесеніе арамейскаго слова *ܡܫܝܚܐ* и самъ переводитъ Offenbarer. Такъ какъ по-русски нельзя передать точно нѣмецкое слово Offenbarer (пророкъ—это уже не то), то мы переводимъ словомъ «откровеніе», а въ скобкахъ замѣчаемъ (соб. Offenbarer).

Проф. Рыбинскій и здѣсь къ чему-то придирается: «Г. Посновъ вслѣдъ за Клостерманомъ переводитъ *μεγάλη*,—«откровеніе или, какъ почему-то поясняетъ г. Посновъ, «собственно нѣмецкое Offenbarer» (стр. 397).

По поводу нашихъ словъ: «нужно признать, что мы имѣемъ здѣсь (у Іустина-Ириней съ одной стороны и въ Refutatio Ипполита съ другой) дѣло съ двумя различными системами» Симона мага—проф. Рыбинскій пишетъ: «Казалось бы, совершенно естественно и прямо необходимо было поставить далѣе вопросъ, какая же изъ двухъ различныхъ системъ принадлежитъ собственно Симону. Г. Посновъ этимъ вопросомъ, однако, не задается и только (?) лишь (?) пытается установить, что Ипполитъ въ Философуменахъ VI, 7—18 излагаетъ систему Симона по сочиненію *Ἀποφασίς μεγάλη*, написанному въ концѣ III (? II) или въ началѣ IV в. (? III)» (стр. 398). А намъ кажется «совершенно естественно и необходимо поставить вопросъ»: чего собственно добивается проф. Рыбинскій отъ насъ? То ему не нравится будто бы излишняя быстрота въ нашихъ выводахъ, то медлительность.

въ томъ, ни въ другомъ мы не повинны; все это лишь «атеистскіе» приемы проф. Рыбинскаго хоть какъ нибудь раться къ нашей работѣ и сдѣлать выпады относительно ости автора. Это онъ дѣлаетъ, представляясь непонимающею самыхъ простыхъ вещей, и даже намѣренно искажая сужденія. Проф. Рыбинскій недоволенъ въ данномъ мѣстѣ, почему мы не высказываемся или за подлинность системы Симона у Іустина-Ириней или Ипполита. Да, мы высказываемся, и это видно даже изъ перифраза нашихъ словъ проф. Рыбинскимъ. Если мы говоримъ, что въ основѣ системы Симона у Ипполита лежитъ *ἀποφασις* м., сочиненіе, явившееся въ концѣ II или началѣ III в., то ясно, что мы не можемъ приписать Ипполиту болѣе вѣрнаго изложенія системы Симона, чѣмъ въ раннѣйшихъ источникахъ Іустина-Ириней. Это—голосъ—слѣдуетъ уже изъ искусственного извлеченія проф. Рыбинскаго. Мы же на самомъ дѣлѣ въ своей статьѣ дѣлаемъ изъясненія Гильгенфельду, который высказывается за большую чистоту системы Симона у Ипполита, указываемъ «слѣды раннѣйшаго происхожденія *ἀποφασις* м.» и говоримъ: «Въ Египтѣ онъ магъ оставилъ послѣдователей, которые развили его ученье, примѣнительно къ мѣстнымъ понятіямъ, и изложили *ἀποφασις* м.». Здѣсь же мы даемъ всѣ преимущества системѣ Симона, изложенной у Іустина-Ириней. («Труды К. Д. Акад.» XI, стр. 399—401). Слѣдовательно снова проф. Рыбинскій явно подавляетъ истину неправдой, или ложью.—Поэтому проф. Рыбинскій почему-то не хочетъ обратить вниманія на то, что для насъ, занимающихся собственно христіанствомъ гностицизмомъ, вопросъ о Симонѣ магѣ и другихъ еретическихъ волхвахъ есть вопросъ вводный, предварительный. Поэтому для насъ достаточно было показать синкретическій характеръ ученія, приписываемаго Симону магу этими источниками,—и только. Въ виду этого, познакомились съ источниками, мы считаемъ излишнимъ для себя разсматривать всю литературу предмета и ограничились, какъ и должно, самымъ важнымъ. Иначе бы мы отнесли къ дѣлу, касающемуся Симона, бы писали монографію о Симонѣ магѣ, или если бы мы имели по предмету своей темы такое же положеніе къ синайскимъ магамъ, какое проф. Рыбинскій.

Менандра, ученика Симона м., пытается проф. Рыбинскій устранить съ самарійской почвы на основаніи будто-бы сообщенія св. Іустина, что онъ проповѣдывалъ «только въ іерусалимѣ и нигдѣ больше». Мы указали на то, что изреченіе

Іустина о Менандрѣ: ἐν Ἀντιοχείᾳ γενόμενον πολλοὺς ἐξαπατήσει —, т. е. во время пребыванія въ Антиохіи, многихъ обманулъ — нельзя понимать о проповѣди его «только въ Антиохіи и нигдѣ больше», наоборотъ, нужно понимать въ смыслѣ между прочимъ. За это говоритъ форма аориста, въ какой стоитъ гл. «ὑπνοῦμαι». Аористъ указываетъ на *кратковременность* дѣйствія, относящагося къ *определенному* моменту или совершившагося въ одинъ моментъ ¹⁾. Затѣмъ самый гл. «ὑπνοῦμαι», въ смыслѣ быванія, означаетъ случайное пребываніе, посѣщеніе, а не жительство. Потомъ за такое пониманіе говоритъ и наблюденіе за дѣятельностью гностиковъ. Обычно они были какіе то непосѣды, носились съ своимъ ученіемъ по разнымъ странамъ, какъ, напр., самъ Симонъ, учитель Менандра, или Василидъ, Кердонъ, Маркіонъ и др. Кромѣ того мы замѣтили проф. Рыбинскому, что для точки зрѣнія его, очищающаго самарійскую почву отъ синкретическихъ и гностическихъ идей, важнѣе вопросъ не гдѣ проповѣдывалъ Менандръ, а откуда заимствовалъ. — По поводу этихъ нашихъ замѣчаній проф. Рыбинскій выдвигаетъ обвиненіе противъ насъ въ обработываніи историческаго свидѣтельства и почему то, какъ это ни странно, думаетъ, будто бы мы выводимъ нашу мысль, «безъ

¹⁾ Въ новѣйшей ученой греческой грамматикѣ (К. Brugmann и Al. Thumb. München. 1913) читаемъ: «Дѣйствіе въ прошломъ (Punktueller Action). Дѣйствіе представляется совершившимся тотчасъ же за своимъ наступленіемъ, (какъ бы) собравшимся въ одномъ моментѣ. Также говорятъ о моментальномъ, совершившемся и аористическомъ актѣ, такъ какъ оно обозначается главнымъ образомъ аористомъ... Различаютъ теперь обычно три функціи аористической формы — «ингрессивную», «перфективную» и «констатируемую». Дѣйствіе во всѣхъ случаяхъ относится къ определенному моменту или совмѣщается въ одномъ моментѣ». Die Handlung wird mit ihrem Eintritt zugleich vollendet vorgestellt, in einem Moment zusammengefasst. Man spricht auch von momentaner, perfectiver und aoristischer Action, da sie hauptsächlich durch den Aorist bezeichnet wird... Die Handlung ist in allen Fällen auf einen bestimmten Moment bezogen oder in einem Moment zusammengefasst» s. 540—41... 545). — Забвеніе или незнаніе этого синтаксическаго правила повело проф. Р-го къ такимъ нехорошимъ сужденіямъ: «ясно (?), что Іустинъ говоритъ *только* о проповѣди въ Антиохіи и нигдѣ больше. Но г. Посновъ нужно возражать; ему нужно выжать изъ свидѣтельства желаемый смыслъ... Ясно (sic!), что г. Посновъ обрабатываетъ историческое свидѣтельство самъ» (стр. 401). — Что же «ясно»-то теперь? спросимъ проф. Рыбинскаго. Кому нужно было «только возражать»? Кому потребовалось «обрабатывать историческое свидѣтельство»? Мы думаемъ теперь будетъ «ясно» и... стыдно и проф. Рыбинскому. Не зная элементарнаго синтаксическаго правила, идти напроломъ къ своему ложному тенденціозному выводу и въ то же время набрасывать густую тѣнь на своего оппонента — такое «геройство» далеко не всякому свойственно.

хъ колебаній, кладя подъ свой прессъ греческое πολλοὺς» Относительно мѣста заимствованія Менандромъ своего, проф. Рыбинскій говоритъ: «такая система, какъ и у Симона не могла возникнуть на самарійской почвѣ» (401). Въ такомъ случаѣ—возразимъ проф. Рыбинскому—сно онъ беспокоится, не позволяя Менандру выходить по повѣдью изъ г. Антиохіи. Вѣдь это для его тенденціи не нужно или безразлично.—Недовольный нашими замѣчаніями по поводу разсужденій его о Менандрѣ, признаемъ несомнѣнно, трудность отпарировать ихъ, проф. Рыбинскій пытается отплатить своему оппоненту, явно извращая его сужденіе о Менандрѣ. «Г. Посновъ», говоритъ проф. Рыбинскій, «явно рѣшительно отрицаетъ уже не только самаританизмъ (?) Менандра, а и самое его бытіе!» (??..) стр. 402. Такой «выводъ» проф. Рыбинскій хочетъ сдѣлать будто бы изъ нашихъ словъ. Ссылаясь на стр. 71-й, что Менандръ вообще мало извѣстенъ (?), проф. Рыбинскій продолжаетъ: «отсюда для насъ становится понятнымъ сомнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей въ историческомъ характерѣ Менандра; послѣдній является какъ бы искусственнымъ мостомъ отъ Симона къ сирійскому гносису». Здѣсь новое сознательное извращеніе истины ложью. Во 1-хъ, мы говоримъ о малоизвѣстности не Менандра,—какъ утверждаетъ проф. Рыбинскій, а о сужденіяхъ. Наши слова таковы: «ученіе Саторнила находятъ у ссыла на Schultz'a) весьма близкимъ къ офитскому, и, чѣмъ къ ученію Менандра, впрочемъ, очень мало извѣстному» (стр. 71). Вѣдь это не все равно. По единодушному мнѣнію древнихъ ересеологовъ, Менандръ былъ ученикомъ Симона мага и самарійскимъ магомъ. Это твердо стоитъ исторически извѣстно. Объ ученіи же его, дѣйствительно, очень мало извѣстно. Во-вторыхъ, мы говоримъ о мнѣніи нѣкоторыхъ изслѣдователей, сомнѣвающихся въ историческомъ характерѣ Менандра и видящихъ въ немъ искусственный мостъ отъ сирійскаго гносиса къ сирійскому. Проф. Рыбинскій, вопреки очевидности, приписываетъ это мнѣніе мнѣ самому. Проф. Рыбинскій называетъ такой пріемъ!.. Конечно, мы говоримъ: «для насъ становится понятнымъ сомнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей... Но неужели, безъ нарушенія законныхъ правилъ, можно отсюда сдѣлать выводъ: значитъ, и авторъ этихъ сужденій сомнѣвается въ бытіи Менандра? А проф. Рыбинскій сдѣлать выводъ дѣлаетъ... Если онъ представляется ему смущеннымъ выраженіемъ «для насъ становится понятнымъ», то мы можемъ представить ему такой примѣръ. Какой-нибудь бого-

словъ разсуждаетъ о первыхъ трехъ евангеліяхъ—синоптикахъ съ одной стороны и евангеліи Іоанна Б. съ другой, отношенію къ божеству Іисуса Христа,—находитъ, что свидѣтельства Св. Іоанна Б. о божественномъ достоинствѣ Спасителя и полнѣе и яснѣе—и продолжаетъ: отсюда для насъ становится понятнымъ сомнѣніе нѣкоторыхъ западныхъ богослововъ (раціоналистовъ) въ подлинности 4-го евангелія и яростныя нападки на него. Такъ, значить проф. Рыбинскій причислитъ такого богослова къ раціоналистамъ, отрицающимъ подлинность 4-го евангелія?

Излагая ученіе Досиѣея, которому у насъ посвящено въ примѣчаніи равнымъ счетомъ 20 строкъ (Труды. 1912, XI. стр. 393, *прим.*) мы между прочимъ указываемъ на число 30, имѣющее мѣсто въ его системѣ и характерное для гностиковъ вообще (стр. 393) («около него образовалась небольшая партія изъ 30 учениковъ и одной женщины, по имени Луна»). Проф. Рыбинскій по этому поводу замѣчаетъ: «догадка г. Поснова, что «число 30» и проч. совершенно излишня, потому что въ Климентинахъ прямо говорится, что въ усвояемыхъ Досиѣею воззрѣніяхъ это число указываетъ на 30 дней мѣсяца» (стр. 395). Поразительное открытіе!.. Но 30 дней съ богинею Луною—все-таки, несомнѣнно, принадлежатъ къ явленіямъ астрономическимъ. Но что бы сказалъ проф. Рыбинскій, если бы онъ прочиталъ у св. Иринея въ сочин. «Противъ ересей» (кн. I, гл. I, 3) о эонахъ гностика Валентина, число каковыхъ, по Валентину, указываетъ на 30 лѣтъ Спасителя, пребывавшаго въ неизвѣстности. Тогда и вовсе проф. Рыбинскій выступилъ бы въ роли защитника библейскаго происхожденія этого гностическаго ученія противъ древнихъ отцовъ и писателей Церкви!.. Главнымъ же образомъ, борясь противъ изложеннаго мною въ примѣчаніи въ 20-ти строчкахъ ученія Досиѣея, проф. Рыбинскій специализуется на опечаткахъ. Проф. Рыбинскій пишетъ: «о Досиѣеѣ, заявляетъ г. Посновъ, упоминаютъ Ипполитъ (ср. Псевдо-Тертуліанъ, Оригенъ, Епифаній и др.). Это—во-первыхъ». Незнакомый съ дѣломъ читатель,—смѣется пр. Рыбинскій,—будетъ, пожалуй, недоумѣвать, почему это г. Посновъ объ Ипполитѣ говоритъ во множественномъ числѣ, а цѣлый (?) рядъ другихъ именъ, изъ коихъ нѣкоторыя, повидимому, равноцѣнны въ данномъ случаѣ имени Ипполита, заключаетъ въ скобки»... Такъ не «незнакомый» читатель, а знакомый съ дѣломъ проф. Рыбинскій находитъ для себя достаточный и пріятный поводъ поиронизировать лишь по поводу того, что по корректурному недо-

мотру у меня обратная скобка стоит не послѣ Пс. Тертуліана, какъ бы слѣдовало, а отнесена къ концу фразы. Смыслъ же заключенія въ скобки имени («Пс. Тертуліанъ») таковъ: libellus Псевдо-Тертуліана считается наиболѣе близкимъ къ возстановляемой синтагмѣ Ипполита; поэтому, когда идетъ рѣчь о какихъ либо фактахъ или разсужденіяхъ предположительно заключавшихся въ указанной синтагмѣ Ипполита, обычно ссылаются на libellus Ps. Tertulliani. Но въ данномъ случаѣ—хотя ироническіе упреки намъ проф. Рыбинскаго основываются на неправильной корректурѣ одной скобки, однако они формально правы. Но есть другія замѣчанія намъ со стороны проф. Рыбинскаго по поводу также корректурныхъ ошибокъ, но уже исправленныхъ нами ранѣе его замѣчаній. Такъ, напр., мы, приведя главное и самое достовѣрное сообщеніе о Досиѣѣ Оригена, замѣчаемъ: «объ ученіи Досиѣея болѣе ничего неизвѣстно» (т. е. достовѣрнаго). Однако послѣ этого приводимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ ученіи Досиѣея изъ сомнительнаго источника Климентина. Вотъ весь нашъ криминалъ. Не помнимъ, какъ читалась у насъ эта фраза въ рукописи. Вѣроятно, стояло еще слово «достовѣрнаго». Во всякомъ случаѣ неточность этой фразы была уже замѣчена и исправлена нами ранѣе проф. Рыбинскаго, по крайней мѣрѣ за годъ, для отдѣльной книги «Кіево-Могилянскій сборникъ» (Кіевъ, 1913 г., см. на стр. 626—опечатки). Проф. Рыбинскій не хочетъ этого знать. Забывая, что опечатка исправлена уже давно, онъ по своимъ критическимъ приемамъ считаетъ возможнымъ поиздѣваться, какъ онъ полагаетъ, очень остроумно: «Г. Посновъ категорически заявляетъ: «объ ученіи Досиѣея болѣе ничего неизвѣстно». Это однако не только не препятствуетъ ему сейчасъ же высказать ничѣмъ не подкрѣпленное положеніе—«вѣроятно, оно отвѣчало самарянскому», но и пообщить еще нѣкоторыя свѣдѣнія изъ Епифанія и Климентина. Читатель послѣ категорическаго заявленія г. Поснова: «объ ученіи Досиѣея болѣе ничего неизвѣстно», остается въ совершенномъ недоумѣніи, какъ же опѣнивать эти послѣднія свѣдѣнія» (стр. 392). Или еще одинъ примѣръ запоздалыхъ замѣчаній намъ со стороны проф. Рыбинскаго. Въ томъ же самомъ примѣчаніи, гдѣ у насъ идетъ рѣчь о Досиѣѣ, стояла не точная фраза «Евполемъ замѣчаетъ». Эта фраза также была исправлена нами. («Изъ сообщеній Евполема слѣдуетъ») для упомянутой выше книги: «Кіево-Могилянскій сборникъ», вышедшей весной 1912 г. Тѣмъ не менѣе проф. Рыбинскій находитъ

возможнымъ дѣлать мудренныя выкладки по поводу этой уже исправленной опечатки въ своей статьѣ, появившейся раннею весною 1914 г. («Странникъ», стр. 384—385). Какъ видимъ, проф. Рыбинскому очень нравится полемизировать съ своими оппонентами, имѣя ихъ статьи въ первой корректурѣ, отказываясь отъ второй. Но намъ чрезвычайно любопытно знать, какъ бы отнесся проф. Рыбинскій къ тому рецензенту, который, приступая къ его книгѣ, первымъ долгомъ счелъ бы оторвать отъ его книги «дополненія и поправки»? Или какой карѣ, по мнѣнію проф. Рыбинскаго, можетъ подвергнуть его рецензентъ, если онъ найдетъ въ его книгѣ ошибки, оставшіяся неисправленными и въ «опечаткахъ»? А такія есть. Такъ, напр., на стр. 464 его книги о самарянахъ сказано, что Евсевій говоритъ о Симонѣ магѣ во II кн. своей цер. исторіи въ главѣ 23, а на самомъ дѣлѣ Евсевій говоритъ въ 13-й. По логикѣ проф. Рыбинскаго, рецензентъ имѣетъ право обвинить его въ невѣжествѣ. Но мы случайно встрѣтили въ кн. проф. Рыбинскаго («Самаряне», стр. 470) такое положеніе, которое уже никакъ нельзя отнести къ «опечаткамъ», а которое доказываетъ что-то иное... Онъ пишетъ: «Въ комментаріи на ев. Іоанна XIII, 27 Оригенъ говоритъ о томъ, что послѣдователи Досиеея имѣли книги Досиеея и нѣкоторые миѡы о немъ»... Это неправда: въ ком. на Іоан. XIII, 27 Оригенъ этого вовсе не говоритъ. Проф. Рыбинскій здѣсь смѣшалъ евангеліе съ толкованіемъ на него, въ нѣкоторомъ смыслѣ ев. Іоанна Б. съ Оригеномъ!.. 13, 27—это книга и глава комментарія Оригена, а не глава и стихъ евангелія Іоанна. Конечно, такая роковая опечатка» возможно была при пользованіи источникомъ только изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. Но этого мало. Разумѣется, конфузно представителю кафедры экзегетики не имѣть представленія о трудахъ великаго экзегета древности; конечно, неудобно, ссылаясь на источникъ, якобы самостоятельно изученный, не дать себѣ даже труда провѣрить цитату, взятую у другихъ. Но этого—говоримъ—мало. Проф. Рыбинскій, почему то въ данномъ случаѣ отказался отъ самаго простаго здраваго смысла. Вѣдь ему извѣстно, безъ сомнѣнія, содержаніе евангелія Іоанна. Онъ знаетъ—надѣмся,—что въ XIII гл. ев. Іоанна содержится повѣствованіе о тайной вечери (и начало прощал. бесѣды) и что въ частности 27-й ст. читается: «И послѣ сего куска вошелъ въ него сатана. Тогда Іисусъ сказалъ ему: что дѣлаешь, дѣлай скорѣе». Какимъ же образомъ—спросимъ проф. Рыбинскаго—онъ могъ подумать, что

ть толкованіи на такую главу и такой стихъ могла быть рѣчь ... самарянинѣ Досиеѣ?! Понятно, самое обыкновенное оображеніе заставляло предполагать, что если есть у Оригена амѣчанія объ ученіи самарянъ, то ихъ естественно искать только въ толкованіи на IV-ю главу ев. Іоанна (бесѣда съ амарянкою), гдѣ идетъ рѣчь о вѣрованіяхъ самарянъ. Такъ мѣется дѣло и въ дѣйствительности: у Оригена идетъ рѣчь Досиеѣ въ толкованіи на Іоан. IV, 25. (Die griechischen chr. chtiftsteuer. Origenes werke IV B. Der Iohannes kommentar. Er. reuschen. Leipzig. 1903. s. 251).

Или еще примѣръ — ближе къ нашему дѣлу. Какъ мотрѣть на такія «опечатки» проф. Рыбинскаго, какія нѣ позволяютъ при приведеніи для критики моихъ разсужде- іей. Такъ, напр., онъ приписываетъ намъ, будто мы относимъ оявленіе 'Απόφασις μεγάλη—сочиненіе, усвояемое неправильно [пполитомъ Симону магу,—къ концу III (??) или началу IV (??) в. въ то же время считаемъ его источникомъ системы Симона, зложенной у Ипполита, умершаго, какъ извѣстно, въ концѣ 20-хъ ли въ 30-хъ годахъ III в. («Странникъ» 1914 III, стр. 398). Вѣдь акая историческая нелѣпость не только непростительна за- имающемуся христіанскимъ гностицизмомъ, но и всякому олѣе или менѣе богословски образованному. Съ точки зрѣнія роф. Рыбинскаго мы и имѣемъ право обвинять его чуть не ъ провокаціи, во всякомъ случаѣ въ злостномъ искаженіи ашихъ положеній, профессоръ-де Рыбинскій занимается не- орошими дѣлами и т. д.

Подводя итоги нашей полемики съ проф. Рыбинскимъ, олучаемъ слѣдующее.

1. Проф. Рыбинскій въ своей книгѣ о самарянахъ и своей ольшой критической статьѣ противъ насъ силится провести у «оригинальную» мысль, хотя и съ чужого голоса, что са- арянство осталось не причастнымъ синкретическому и гно- гическому теченію вѣка рождества Христова, и самарійскіе аги, такъ какъ имъ приписываются гностическія системы, олжны быть устранены съ самарійской почвы. Правда, проф. ыбинскій знаетъ, что древніе ересеологи — св. отцы и писа- эли Церкви, начиная съ первой половины II в., утверждаютъ акъ разъ противоположное, и несравненное большинство зслѣдователей настоящаго вопроса принимаетъ ихъ свидѣ- ельство за достовѣрное. Но проф. Рыбинскій этимъ не сму- ается: сообщенія ересеологовъ онъ подвергаетъ сомнѣнію и твергаетъ, а сужденія изслѣдователей онъ считаетъ устарѣ-

лыми, потому что имъ «почти неизвѣстна была самарянская литература». Проф. Рыбинскій оповѣщаетъ, что онъ имѣетъ «значительное количество новыхъ матеріаловъ о самарянахъ» («Стран.», 402), которые «заставляютъ» его проводить новый взглядъ по данному вопросу.

2. Мы разсмотрѣли отдѣлъ проф. Рыбинскаго объ источникахъ, старыхъ и «новыхъ матеріалахъ» и нашли, что на протяженіи первыхъ 10-ти или 11-ти вѣковъ проф. Рыбинскій, по его собственному заявленію, почти не имѣетъ источниковъ для самарянства; такъ что даже нельзя писать по нимъ «исторіи» самарянства, и написанная проф. Рыбинскимъ «исторія» очень легендарна. Патетическая же рѣчь его о «новыхъ матеріалахъ», которые «заставляютъ» его идти противъ древнихъ отцовъ и писателей Церкви и новыхъ изслѣдователей ересеологическихъ вопросовъ оказывается простою буффонадою, а вся «оригинальность» его выводовъ—смѣшною претензіей.

Но недостаточно уличить оппонента въ его ошибкахъ, интересно понять, какъ онъ пришелъ къ нимъ.

Ошибка проф. Рыбинскаго, точнѣе и частнѣе, заключается въ томъ, что онъ не оцѣнилъ по достоинству самарянскихъ фрагментовъ эллинистическаго, синкретическаго періода, почти отбросилъ ихъ, какъ «малоцѣнные». Прямымъ слѣдствіемъ этого было исключеніе изъ самарійской исторіи извѣстныхъ самарійскихъ маговъ, ибо они порождены были тѣмъ же синкретическимъ, гностическимъ теченіемъ. Причина такой чудовищной вивисекціи исторіи народа заключается въ томъ, что проф. Рыбинскій не изучилъ громаднаго эллинистическаго движенія, затопившаго весь міръ въ послѣдніе вѣка предъ Рождествомъ Христовымъ. Самарянство, какъ явленіе синкретическое въ самомъ своемъ рожденіи, болѣе другихъ было воспріимчиво для этого движенія, и дѣйствительно восприняло его и дало цѣлую литературу, сохранившуюся только въ отрывкахъ, и выставило крупныхъ представителей религіознаго синкретизма и гностицизма. Все это, разумѣется, налагало на проф. Рыбинскаго строгое обязательство изучить эллинистическое теченіе, чтобы понять само самарянство временъ Іисуса Христа. Онъ же уклонился. «Остается только удивляться тому научному самоотверженію, выразимся словами проф. М. Д. Муретова по поводу упомянутой работы проф. Мищенко ¹⁾»,—съ

¹⁾ «Богослов. Вѣстникъ» 1911 г. IV—апр., стр. 771.

мъ нашъ авторъ уклонился отъ этой темы». Мы нарисовали бы, конечно, совершенно ненатуральное положеніе вещей, бы вздумали утверждать, что проф. Рыбинскій не замѣтилъ этого историческаго слона. Нѣтъ, онъ не могъ не замѣтить синкретическаго теченія. Больше отвѣчаетъ дѣлу, можетъ быть, другое предположеніе. Проф. Рыбинскій, изучая въ 20-ти лѣтъ матеріалы, приготовляя сочиненіе о самарянахъ, почувствовалъ себя подъ конецъ утомленнымъ, чтобы заняться за изученіе еще эллинистическаго синкретическаго теченія. Ему нужно было для этого сдѣлать сотню или двѣ сотни страницъ, прочитать десятокъ другой книгъ; но уже энергія иссякла, терпѣнія не хватило, и книги были отложены въ сторону. Вѣдь можно быть «библіологомъ» и не только не библіофиломъ, но и библіофобомъ. Неудивительно, если проф. Рыбинскому въ этомъ періодѣ самарянства пришлось сдѣлать не только съ изслѣдователями гностицизма, которыхъ къ нѣкоторому его спокойствію онъ не знаетъ, но даже съ серьезными многоученными, собратами по перу, изслѣдователями самарянства, напр. Гайденгаймомъ и Гриммомъ. При этомъ облегченіе проф. Рыбинскій почувствовалъ въ самые трудные годы, предъ выпускомъ своей книги. Въ 1907 г. онъ упустилъ въ Филадельфіи книгу о самарянахъ нѣкто Монтгомери. Чрезъ нѣсколько лѣтъ узналъ объ этой книгѣ, добился и познакомился съ ея содержаніемъ и проф. Рыбинскій. Монтгомери проводится взглядъ, по извлеченію проф. Рыбинскаго, на самарянство, какъ на «іудейскую секту»... Вотъ и получился истинный благодѣтель! Теперь готово «принципіальное» оправданіе отрицательнаго отношенія къ эллинистическому теченію (хотя и іудейство не осталось незатронутымъ). Но проф. Рыбинскій, кажется, упустилъ изъ виду, что въ 1907—1910 г. онъ имѣлъ дѣло съ авторами рѣшительно иного взгляда на самарянство, и что и отъ нихъ онъ нѣчто узналъ, по крайней мѣрѣ, «простой конгломератъ отдѣльныхъ мнѣній». Отсюда получился, какъ мы уже видимъ, живорѣчивый взглядъ на само самарянство.

Значитъ, проф. Рыбинскій совсѣмъ не свѣдущъ въ эллинистическомъ, синкретическомъ теченіи вѣка Рождества Христова. Каѣсясь явленій этого періода (фрагментовъ, самаритянской литературы и самар. маговъ), мы говоримъ съ нимъ на разныхъ языкахъ.

Въ заключеніе своего примѣчанія по поводу «оригинальныхъ» выводовъ проф. Рыбинскаго, мы писали: «попытка

поколебать почти общепризнанный и хорошо обоснованный взглядъ на синкретическія воззрѣнія самарянъ въ вѣкъ рождества Христова и на самарійскихъ маговъ, какъ предшественниковъ христіанскаго гностицизма, дѣло неблагоприятное, браться за него — это значитъ понапрасну тратить время» («Труды К. Д. Акад». 1913, IX, стр. 59). Проф. Рыбинскій находитъ въ этихъ словахъ искусственный поводъ для отвѣта на наше примѣчаніе цѣлою большою статьею, ея же, доказывая справедливость нашихъ словъ («Стран». 1914, III, стр. 381). Какъ достаточно показано, оправдать свои оригинальные выводы, подкрѣпить ихъ изъ «новыхъ матеріаловъ» — проф. Рыбинскому не удалось и на іоту. Да не объ этомъ онъ и думалъ, когда отыскивалъ искусственный поводъ для полемики противъ насъ. Критика его, какъ мы видѣли, носитъ характеръ выпадовъ противъ личности автора примѣчанія, т. е. противъ насъ. Настоящій отвѣтъ мы пишемъ отчасти по побужденію добрыхъ пріятелей, которые значительно ранѣе насъ прочитали критику проф. Рыбинскаго и вынесли изъ нея впечатлѣніе, что она наполнена инсинуаціями и направлена противъ личности автора и что на нее необходимо отвѣтить, независимо отъ ея научной состоятельности или несостоятельности. Дѣйствительно, критика проф. Рыбинскаго — это критика дурного тона. Это не только ясно чувствуется, изъ общаго характера ея, но и доказывается имъ самимъ. Проф. Рыбинскій, напр., своею цѣлью ставить между прочимъ — показать, «какого качества тѣ пріемы, которые практикуетъ онъ (т. е. М. Посновъ) въ изслѣдованіи научныхъ вопросовъ», говорить о «прокрустовомъ ложѣ» (нашей) исторической критики и о томъ, какъ мы будто «выжимаемъ» или «обрабатываемъ» истор. свидѣтельства. Развѣ проф. Рыбинскій не понималъ, что, выражаясь такъ, онъ говоритъ явныя несообразности: для чего было М. Поснову прибѣгать къ какимъ-то особымъ «пріемамъ», къ «прокрустову ложу» и т. п., если онъ проводитъ общепринятый, шаблонный взглядъ на данный вопросъ?!.. Вотъ проф. Рыбинскому для оправданія его «оригинальнаго» взгляда дѣйствительно пришлось прибѣгнуть въ своей ходульной критикѣ и къ бутафорству. Желаніе его сердца наговорить побольше оскорбительныхъ выраженій по адресу своего оппонента. Мы между прочимъ ссылаемся на согласіе съ моимъ взглядомъ почти всѣхъ авторовъ, касавшихся даннаго вопроса. Проф. Рыбинскій вполне соглашается. «Это справедливо» — говоритъ онъ («Стран.», 402). Но обратите вниманіе, какія у него нашлись

оматическія, мягкія выраженія по ихъ адресу: «большин-
 этихъ авторовъ самарянствомъ спеціально не занимались
 тому легко могли допустить неточности» (тамъ же). Но
 одинъ авторъ, почтенный профессоръ Казанской духовн.
 міи, какъ разъ соприкоснувшійся въ своихъ научныхъ
 ахъ въ самое послѣднее время съ тою областью, гдѣ
 себя спеціалистомъ проф. Рыбинскій. Онъ такъ выра-
 объ «оригинальныхъ» выводахъ проф. Рыбинскаго:
 б. В. П. Рыбинскій (въ своемъ сочиненіи «Самаряне», Кіевъ,
 несмотря на единодушное, замѣчательно согласное, свидѣ-
 тво всѣхъ древнихъ ересеологовъ о происхожденіи ереси Симона
 и Менандра изъ круговъ самарянства, однако, рѣшительно
 даетъ внутреннюю, идейную связь ученія указанныхъ ересеар-
 съ самарянствомъ. По ея мнѣнію, Симонъ волхвъ (а слѣдо-
 вно и ея ученикъ Менандръ) «представляетъ собою не типъ
 янства, а только инцидентъ въ самарянствѣ» (стр. 467).
 комъ выводъ г. Рыбинскій (вопреки твердо устойчивому мнѣ-
 сей исторической науки), конечно, проявилъ избытокъ ориги-
 нальности, но не ученой основательности». («Правосл. Собесѣд-
 » 1913, ноябрь, стр. 711). Проф. Рыбинскій хорошо зналъ
 томъ рѣшительномъ и глубоко вѣрномъ приговорѣ объ
 ткѣ ((собственной) оригинальности) и былъ очень огор-
 имъ... Однако, печатая свою критику на наше примѣча-
 , мартъ 1914 г. онъ скрылъ его, онъ предпочелъ почему-
 лѣ удобнымъ для себя молчаніе о другомъ своемъ оппо-
 з. А какъ кстати было бы упомянуть объ этомъ!.. Оче-
 о, его тенденціямъ отнюдь не соответствовало упоминать
 единомысленномъ намъ ученомъ. Но этимъ же проф.
 нскій ясно показалъ, что для него нужно и дорого не-
 ство дѣла—идейное разногласіе, а какое-то личное нерас-
 кеніе къ автору примѣчанія.. Въ виду этого мы убѣ-
 л, что проф. Рыбинскій продолжитъ полемику свою со
 Правда, у него нѣтъ никакихъ данныхъ для подтвер-
 я своего «оригинальнаго» мнѣнія. Но развѣ нужны ка-
 бо данныя для того, кто пишетъ моветонную критику,
 лнымъ забвеніемъ 9-й заповѣди Закона Божія, кто вмѣсто
 и пробавляется эристикой и казуистикой, кто вмѣсто
 въ и мыслей оперируетъ надъ исправленными и неис-
 енными опечатками своего оппонента.
 Да проститъ намъ проф. Рыбинскій, но онъ въ своей
 ой» критикѣ противъ насъ напоминаетъ намъ Чехов-
 о. Сисоя, страдавшаго, повидимому, болѣзною печени, или

по крайней мѣрѣ—несвареніемъ желудка. Помните, какъ этотъ странствующій старецъ одно время проживалъ у больного архіерея и бесѣдовалъ съ нимъ иногда такъ:

— У Еракина нынче электричество зажигали,—сказалъ онъ.—Не ндравится мнѣ!

Отецъ Сисой—говорить Чеховъ—былъ старъ, тощъ, сгорбленъ, всегда недоволенъ чѣмъ-нибудь, и глаза у него были сердитые, выпуклые, какъ у рака.

— «Не ндравится!—повторилъ онъ уходя.—Не ндравится, Богъ съ нимъ совсѣмъ!»

Или въ другой бесѣдѣ. (Разговоръ происходитъ при вытираніи заболѣвшаго преосвященнаго свѣчнымъ саломъ).

«Вотъ такъ... вотъ такъ...—говорилъ онъ (т. е. о. Сисой). Господи Іисусе Христе... Вотъ такъ. Сегодня ходилъ я въ городъ, былъ у того—какъ его?—протоіерея Сидонскаго... Чай пилъ у него... Не ндравится онъ мнѣ! Господи Іисусе Христе... Вотъ такъ... Не ндравится».

Такъ и я «не ндравлюсь» проф. Рыбинскому.

